

СКАЗОЧНАЯ ИСТОРИЯ ЯНА ЭКХОЛЬМА
О ДРУЖБЕ И ПРИКЛЮЧЕНИЯХ ЧЕСТНОГО ЛИСЁНКА
И ОТВАЖНОГО ЦЫПЛЁНКА
УСПЕЛА ПОЛЮБИТЬСЯ УЖЕ НЕ ОДНОМУ
ПОКОЛЕНИЮ ЮНЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ.
В ЧЁМ ЖЕ СЕКРЕТ УСПЕХА
ЭТОЙ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЙ ДЕТСКОЙ КНИЖКИ?
В ТОМ, ЧТО ОНА УЧИТ ИСКРЕННЕЙ ВЕРЕ В ДОБРОТУ,
КОТОРАЯ ТВОРИТ ЧУДЕСА.
ДОБРОТА МОЖЕТ СПАСТИ ИЗ ЛЮБОЙ БЕДЫ
И ДАЖЕ РАСТОПИТЬ СЕРДЦЕ
ЗАКЛЯТОГО ВРАТА.

ЕАТ

ЯН ЭКХОЛЬМ ЛЮДВИГ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ И ТУТТА КАРАССОН

ЛЮДВИГ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

И

ТУТТА КАРАССОН

Machaon

ЯН ЭКХОЛЬМ
ЛЮДВИГ
ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ
И
ТУТТА
КАРАССОН

Перевёл *Марк Харитонов*
Художник *Борис Тржемецкий*

Москва
«Махаон»
2015

Глава первая

Знаешь ли ты Ларссонов?

Я имею в виду хитрых Ларссонов. Если я вдобавок скажу, что эти хитрые Ларссоны живут в норе, ты сразу поймёшь, что речь идёт о лисьем семействе, и о семействе не простом, а о самом большом и самом хитром в лесу.

Думаю, ты наверняка не раз прогуливался прямо над их жилищем, но об этом даже не подозревал. Помнишь в лесу небольшой холм, поросший можжевельником, тот, где весной раньше всего тает снег, а летом жарче всего припекает солнце?

Вот там, глубоко в песке, папа Ларссон и устроил себе квартиру. Если бы тебе удалось туда заглянуть, ты первым делом обнаружил бы кухню. Возле одной стены ты бы увидел большой деревянный ларь – он служит кладовкой, в которой хранятся запасы провизии для семьи. В него же мама Ларссон складывает пустые консервные банки, которые плохо воспитанные люди выбрасывают в лесу. Одни такие банки служат лисицам тарелками, другие мисками или чашками. А ещё в кухне стоит стол, который папаша Ларссон сам сколотил из разных деревяшек.

Из кухни ты попадёшь в гостиную, она почти такой же величины. Там семья обычно собирается по вечерам. Дальше – детская комната, кровати в ней устланы еловыми ветками, чтобы детям было теплее и мягче спать.

Входов у лисьей норы три. Один – под большим пнём, другой – под замшелым камнем и ещё один – секретный, про него знает лишь папа Ларссон. Этот вход разрешено использовать, только если семейство попадёт в опасность и два других окажутся для него закрыты.

Тебе такое жильё может показаться слишком большим. Но ведь и семейство Ларссонов не маленькое. Попробуем перечислить всех по порядку.

Первым, конечно, следует назвать папу Ларссона. Это необычайно хитрый лис. Сколько раз ему удавалось уйти от опасностей, одурачить охотников, избежать самых коварных ловушек! Правда, с некоторых пор он начал чувствовать, что становится стар. Но у него уже подрастают сыновья, и можно надеяться, что скоро они сами начнут добывать себе пропитание.

Дальше надо сказать о маме Ларссон. Её не так часто можно увидеть в лесу, она больше времени проводит

в норе. Ведь ей надо приготовить еду, накормить всех детей. А это дело требует немалых хлопот, тем более что детей у неё четырнадцать.

Старшего и самого сильного зовут Лабан. Он недавно закончил лисью школу и проявил себя таким способным учеником, что обещает скоро сравняться хитростью с самим отцом.

Его младшие братья и сестры – Леопольд и Лаге, Лассе-младший и Лассе-старший, дальше следуют Лённарт, Лео и Лукас и наконец сестрички: Лаура и Линнёя, Луиза, Лидия и ещё Лотта. Они все ходят в школу, где их учат разным лисьим проделкам.

Я перечислил пока только тринадцать детей. Но есть в семействе ещё один лисёнок по имени Людвиг, Людвиг Четырнадцатый. Он слишком мал, чтобы ходить в школу. Посмотришь: на вид просто рыжий клубочек с белым пятном на самом кончике хвоста.

Но не думай, что малыш, словно принц, избалован.

Вовсе нет. Людвиг Четырнадцатый участвует во всех играх старших. Посмотрел бы ты, как они тузят друг друга, как визжат и возятся, кусают один другого за хвосты. Разойдутся иной раз и поднимут такой шум, что земля над норой начинает ходить ходуном и маме Ларссон приходится их растаскивать.

Да, они любят побаловаться, но ничуть не меньше им нравится слушать рассказы папы Ларссона о его многочисленных приключениях и подвигах. Как лису удалось обмануть охотника и его собаку, как он подбирался совсем близко к домам, где живут люди, чтобы утащить у них прямо из-под носа что-нибудь вкусненькое, и каким он всегда был изобретательным хитрецом и пройдохой.

Глава вторая

Больше всего папа Ларссон любил рассказывать о своих встречах с Максимилианом, большим псом из дома у самой опушки.

— Он почти такой же хитрый, как я, знает все наши уловки, — каждый раз не забывал упомянуть папа Ларссон. — Интересно мне было бы посмотреть, кто из вас первым сумеет его перехитрить.

— Конечно, это буду я! — всегда выскакивал вперёд Лабан. — Потому что я тут самый хитрый.

— Нет, я, я, я! — начинали в ответ хором завывать Леопольд, Лаге, Лассе-старший и Лассе-младший,

а вслед за ними наперебой все младшие братья и сёстры. Один только Людвиг Четырнадцатый помалкивал.

И вот однажды в норе Ларссонов повисла тягостная тишина.

— Идите к себе в комнату и не шумите, — сказала своим лисятам мама Ларссон и сделала строгое лицо.

А папа Ларссон тем временем уселся в своё кресло, которое ещё его дед смастерил из старой детской коляски. Лоб у него был наморщен горестно. Он даже не заметил, как вошла его жена с большой чашкой рябинового чаю.

— Ох-ох-ох, — стонал он, совсем не обрадовавшись любимому своему напитку, — мне стыдно глядеть всем в глаза.

— Ай-ай-ай, — вторила ему мама Ларссон, — что на это скажет семья?

— Бедный прадедушка! — причитал папа Ларссон. — У него, самого хитрого лиса в лесу, оказался такой правнук!

— Он этого не переживёт, — сказала мама Ларссон и платочком осушила уголки глаз. — Попробуй что-нибудь сделать.

Что же такого ужасного произошло?

Может, случилось несчастье, заболел кто-то из членов лисьего семейства?

Нет, у папы и мамы Ларссон была беда похуже. У них появился сынок, который не пожелал становиться хитрым. Попросту отказывался хитрить. Не только сам не собирался обманывать других, но даже не хотел этому учиться. И подвигами отца ничуть не гордился, наоборот, называл его проделки ужасными.

Лисёнком с такими странными убеждениями оказался не кто иной, как их любимый Людвиг Четырнадцатый.

– Ай-ай-ай! – завывал папа Ларссон. – Позови-ка Людвиг ко мне, я с ним поговорю.

Он встал с дедовского кресла и подошёл к стене. Там висел кусок бересты, на котором соком черники было начертано:

*Да здравствует лисья хитрость
и трижды ура Ларссона-хитреца!*

Людвиг Четырнадцатый робко вошёл в гостиную.

– Ты хотел поговорить со мной, папа? – спросил он.

– Мой милый, милый малыш, – начал ласково папа Ларссон. – Ты ещё не умеешь читать, но, думаю, знаешь, что написано на этой коре.

Людвиг Четырнадцатый в ответ помахал хвостом, что должно было означать: да, знаю.

– Это всегда было девизом нашего семейства, – продолжал папа Ларссон. – Все члены нашей семьи славились своей ловкостью и хитростью. Для нас, лис, нет большей похвалы.

– А мне это совсем не нравится, – ответил Людвиг Четырнадцатый и дерзко поднял свой хвостик. – Мне вовсе не хочется никого обманывать. Противно это, ну просто противно.

Папа Ларссон почесал у себя за ухом.

– Интересно, кто же тебе сказал, что это противно? – спросил он.

– Другие зверята, – ответил Людвиг Четырнадцатый. – У моих лучших друзей, зайчат Йокке-Йо и Туффе-То, дома есть книга, в которой прямо написано, что все должны хорошо относиться друг к другу.

Папа Ларссон почесал себя теперь и за другим ухом. Он просто не знал, что на это сказать.

– Да, это, конечно, правильно, мы должны быть в добрых отношениях с другими зверями, – наконец пробормотал он. – Но это не значит, что нам нельзя иногда их обманывать. Надеюсь, у зайцев есть ещё какая-то другая книга, в которой написано, что лисы – животные хитрые.

– Про это я ничего не знаю, – твёрдо ответил Людвиг Четырнадцатый. – Я совершенно не хочу быть хитрым, не хочу никого обманывать, обдурять и всё такое. Я хочу со всеми дружить и хорошо ко всем относиться.

– Но ты ведь хочешь каждый день ещё и что-нибудь есть, – подумав, продолжил папа Ларссон. – Для этого приходится всякий раз хитрить, иначе не проживёшь.

– Еду можно купить в лавке, – не уступал Людвиг Четырнадцатый.

– Самую лучшую еду ты найдёшь во дворах у людей, – напомнил ему папа. – А туда без хитрости не пробраться.

– Я предпочитаю обойтись без неё, – возразил Людвиг Четырнадцатый.

Папа Ларссон вздохнул. Он был действительно глубоко огорчён.

– Ступай-ка к себе в детскую и поиграй там немного перед сном, – раздражённо прошипел он и сердито помотал своим большим пушистым хвостом.

Мама Ларссон в это время заканчивала мыть тарелки на кухне.

– Просто не знаю, что с ним делать, – сказал ей папа Ларссон. – Лиса, которая отказывается плутовать и хитрить! Раньше я такого даже вообразить не мог.

— Будем надеяться, когда подрастёт, у него это пройдёт, — попробовала успокоить его жена.

Папа Ларссон вынул из нагрудного кармана своей рыжей шубы небольшие часы.

— Я вижу, скоро наступит осень, — сказал он. — Без хитрости Людвиг Четырнадцатый не сможет себя прокормить. А кто будет добывать пропитание для него, когда нас не станет? Что же нам делать?

— Мне кажется, он водится не с теми детьми, — ответила мама Ларссон. — Его приятели на вид какие-то слишком благопристойные. Ты ведь слышал, что он рассказывал про знакомых зайчат. Какие глупости они внушали нашему крошке Людвигу.

Папа Ларссон вдруг вскочил со своего кресла.

— Ты права! — воскликнул он. — Надо, чтобы Людвиг больше не играл с кем попало.

— Но не может же он оставаться совсем один, — сказала жена.

— У него есть братья и сёстры, этого вполне хватает, — возразил отец.

— Но им ведь надо ходить в школу, — напомнила мама.

— О, но у нас же есть сынок, который школу уже закончил, — засмеялся папа Ларссон. — Вот кто может научить малыша нужным хитростям и уловкам. У меня на это просто нет времени.

Он открыл дверь в детскую комнату и позвал:

— Лабан, подойди на минуту ко мне!

Старший лисёнок тихо, словно крадучись, вошёл в гостиную. Он уже изрядно подрос, раздался в плечах. Взгляд у него был лукавый.

— Мне нужна твоя помощь, — обратился к нему отец. — Ты на отлично закончил лисью школу, стал уже почти взрослым.

Лабан ухмыльнулся, оскалив острые зубы.

– Знаешь, как меня называют в лесу другие ребята? – гордо спросил он.

Нет, этого папа Ларссон не знал.

– Хитрец Лабан, – похвастал юный лис, – вот как. Никто в окрестностях не сравнится со мной хитростью. Поэтому меня все боятся.

– Ты действительно гордость нашей семьи, – подтвердил папа и одобительно похлопал своего сынка по загривку. – Я хотел бы, чтобы ты занялся немного братом, Людвигом Четырнадцатым, поучил его хитрости. А то ему стали приходить на ум разные глупости. Ты, может быть, слышал, он совершенно не желает хитрить.

Лабан скорчил недовольную гримасу:

– Я, что ли, должен возиться с этим малышом? Не очень-то хочется.

– А тебе хотелось бы иметь брата, которого потом станешь стыдиться? – спросил папа Ларссон.

Лабан покачал головой.

– Лис просто не может не обманывать других, иначе его не будут уважать, – торжественно продолжал папа Ларссон. – А в нашей семье есть только настоящие лисы. Вспомни, что написано на табличке за твоей спиной.

– Да здравствует лисья хитрость и трижды ура Ларссонам-хитрецам! – наизусть отбарабанил Лабан.

– Прекрасно, мой мальчик, – сказал отец. – Ты должен заняться воспитанием Людвига Четырнадцатого так, чтобы он стал достойным лисом. Первым делом ты научишь его всем хитростям и уловкам, какие знаешь сам.

Лабан гордо вскинул голову.

– Обещаю всё сделать как нельзя лучше, – заверил он. – Я охотно позанимаюсь со всеми братцами и сестричками. Пусть поймут, что не зря меня называют хитрец Лабан.

– Ну, ну, слишком не зазнавайся, – остановил его папа Ларссон. – Пока что самый хитрый в семействе я. Обычным трюкам Людвиг Четырнадцатый может научиться и у меня. А ты позаботься, чтобы он не играл в лесу с другими зверятами, воспитанными не по-нашему. От таких ничего не наберёшься, кроме глупостей. Понял меня?

– Да, папа, – ответил послушно Лабан. – С завтрашнего дня Людвиг Четырнадцатый будет играть только со мной, больше ни с кем.

Глава третья

На другой день рано утром Лабан разбудил своего младшего братца Людвиг Четырнадцатого.

– Давай вставай! – недовольно пробурчал он. – Мне сказали, я с тобой должен играть.

Людвиг протёр глаза.

– Я с тобой играть не хочу, – зевнул он. – Про тебя все мои друзья говорят, что ты настоящий плут.

Лабан расплылся в улыбке.

– Обо мне и вправду так говорят? – спросил он. – Приятно слышать. Ну я же сказал, вставай поскорей! Мне тебя нужно многому научить.

– А я тебе сказал, что не хочу иметь с тобой дела, – упрямо повторил Людвиг Четырнадцатый и начал спокойно вылизывать свою рыжую шёрстку. – Йокке-Йо и Туффе-То ждут меня в роще, мы собирались играть в прятки.

– Ты больше не должен встречаться с этими глупыми зайчатами, – сказал Лабан. – Папа запретил тебе играть с другими, только со мной. Мне теперь велено тебя жизни учить.

– Жизни ты учить меня можешь, – ответил Людвиг Четырнадцатый. – Но учиться обманывать я у тебя не собираюсь.

– Посмотрим, – пробурчал Лабан. – А теперь пошли.

И братья друг за дружкой выбрались из норы. Они немного прошли по лесу.

– Смотри, – показал Лабан на большую красивую шляпку, – вот это гриб.

– Грипп? Ха-ха, – рассмеялся Людвиг Четырнадцатый, – меня не обманешь. Ты хочешь сказать, что если её съесть, эту шляпку, то можно заболеть этим... гриппом? А почему же тогда мои друзья белочки их сушат?

– Ты ещё глупее, чем я думал, – рассердился Лабан. – Ни про какую болезнь я не говорил. Это гриб, понимаешь? Не грипп, а гриб. Ох, тебя ещё многому придётся учить.

Так оба лисёнка целый день бродили по лесным тропам. Лабан рассказывал Людвигу Четырнадцатому, как называются разные кусты и деревья, ягоды и растения, чем они могут быть полезны или вредны, объяснял, почему так важно всё это помнить.

Ближе к вечеру Лабан утомился.

— Если хочешь узнать что-нибудь ещё, — сказал он, — говори скорей. А то нам пора уже домой ужинать. У меня совсем пересохло в горле да и в животе урчит.

— Я бы хотел посмотреть, как живут люди, — ответил Людвиг Четырнадцатый.

— Папа нам много чего разрешил, но только не это. — Лабан выставил перед собой обе передние лапы. — Это может быть очень опасно.

— Ты, может, трусишь? — подзадорил брата Людвиг Четырнадцатый.

— Ну если тебе так уж хочется, давай пойдём, — ответил Лабан. Он не терпел, когда его упрекали в трусости.

И они побежали по лесу. Добрались до самой опушки и остановились там возле глубокой канавы.

А за канавой оказалась плетёная изгородь.

— Это называется забор, — шёпотом объяснил Лабан. — Там дальше, смотри, поле, на поле растёт овёс. Мама варит нам из этого овса кашу.

— Мне больше понравилось бы поле, где растёт рисовая каша, — так же шёпотом ответил Людвиг Четырнадцатый. — Рисовая каша гораздо вкусней овсянки.

— Дурак! — прошипел Лабан. — Смотри вон туда. Видно тебе через стебли овса? Вон на той стороне поля человеческие дома. Сами люди живут в тех, что побольше и где много окон. В других, подальше, живут коровы и лошади. А вон в том маленьком домике слева живут петухи и куры. Говорят, у них там полно яиц.

При этих словах Лабан облизнулся со вкусом.

Людвиг Четырнадцатый с большим интересом разглядывал все эти постройки.

— А в каком из них живёт тот ужасный Максимилиан, про которого нам рассказывал папа? — спросил он брата.

— Этого я пока точно не знаю, — ответил Лабан. — Но думаю, что скоро смогу пробраться на этот двор и первым из папиных детей обману собаку.

— Я это сделаю раньше тебя, будь уверен, — сказал Людвиг Четырнадцатый.

Лабан громко рассмеялся.

— Что? Ты его обманешь? Но ведь сам не собирался быть хитрым! — проговорил он. — Если хочешь, я могу тебе показать, как это делается. Спорим, что я прямо сейчас, по пути домой, одурачу первого же, кто нам встретится? Держу пари, только скажи на что?

— Ни на что, — спокойно ответил ему Людвиг Четырнадцатый.

— А я всё равно это сделаю. — Лабан уже расплился. — Хотя бы для того, чтобы ты увидел, какой я ловкач.

И они направились в сторону дома. По пути, уже недалеко от норы Ларссонов, им повстречались двое зайчат, Йокке-Йо и Туффе-То. Увидев, что их друг Людвиг Четырнадцатый не один, а со старшим братом, они сразу хотели было пуститься наутёк. Но оказалось слишком поздно. Потому что Людвиг уже окликнул их:

— Вы где были?

— В лавке. Мы ходили покупать медовые пряники, — ответил Туффе-То и показал кулёк.

— Ой-ой-ой! — завздыхал вдруг Лабан. — Ой, моё бедное горлышко!

— У тебя болит горло? — посочувствовал Йокке-Йо.

— Ещё как! — запричитал Лабан. — Мы с Людвигом только что были у доктора Филина. Он сказал, что

я тяжело, очень тяжело болен. И есть только одно лекарство, которое мне поможет.

– Это какое же? – спросил Туффе-То.

– Медовые пряники, – вздохнул Лабан. – Мёд, сказал мне доктор Филин, не просто очень полезный, приятный и вкусный, он может мгновенно вылечить горло.

– Так вы, наверно, идёте покупать медовые пряники? – решил Йокке-Йо.

Лабан сделал вид, что прямо сейчас заплачет.

– Я ничего не могу купить, – начал он жалобно всхлипывать. – У меня совсем не осталось денег, которые я получил на неделю, а папа не даёт больше. Поэтому и приходится ходить с больным горлом.

Зайчата долго недоверчиво смотрели на Лабана.

– Это правда? – спросил наконец Йокке-Йо. – Ты нас не обманываешь?

– Стал бы я обманывать вас, лучших друзей Людвига Четырнадцатого? – ответил Лабан. – Скажи сам, Людвиг, разве я обманываю?

И он так больно ущипнул Людвига Четырнадцатого за кончик хвоста, что тот вместо «нет» завопил во всё горло:

– А-а-а!

– Что ты хочешь сказать? – в один голос спросили его Йокке-Йо и Туффе-То.

– Мой братишка хотел сказать «нет», но от волнения он то и дело путает в словах буквы, – ответил за него Лабан. – У него получилось «а-а-а», но имеет он в виду «нет».

– Твой брат говорит правду? – засомневался Туффе-То.

– А-а-а! – снова завопил Людвиг Четырнадцатый, потому что Лабан опять пребольно ущипнул его за хвост.

– Ну вы же сами слышали, что он отвечает «да», – подтвердил Лабан. – Только первая буква получилась неразборчиво. Подумайте сами, с какой стати мы вздумали бы вас обманывать? Слышите, я сам говорю с трудом, мне лучше бы сейчас помолчать. Нельзя слишком напрягать голос... вот, горло опять разболелось. Кха-кха-кха. – Он сделал вид, что раскашлялся. – Ах, был бы у меня сейчас хоть один, хоть крохотный медовый пряничек!

Зайчишки некоторое время стояли в задумчивости. Наконец Йокке-Йо сказал:

– Только потому, что ты брат Людвига Четырнадцатого, мы отдадим тебе наши пряники. На, бери весь кулёк.

– Тысячу-миллион раз спасибо, – ответил Лабан. – Во всём нашем лесу нет друзей лучше. Никогда вас не забуду.

Глава четвёртая

Когда зайчата скрылись, Лабан расхохотался, колотя себя лапами в грудь.

— Ура-ура, да здравствует хитрость! Вот что делает лис, если ему очень захотелось медового пряника. Ну разве это не удовольствие — одурачить мелюзгу?

На беду, Йокке-Йо и Туффе-То ещё не успели далеко убежать. Они услышали слова Лабана и тут же вернулись.

— А мы-то считали тебя нашим лучшим другом, — сказал Йокке-Йо и укоризненно посмотрел на Людвига Четырнадцатого.

— Значит, ты обманул нас, — сказал Туффе-То. — Мы больше никогда с тобой не будем играть.

И ускакали опять. А Людвиг Четырнадцатый ужасно расстроился.

— Разве можно было так поступать с моими лучшими друзьями? — чуть не заплакал он. — Неужели тебе не стыдно?

— С чего это мне должно быть стыдно? — ухмыльнулся Лабан. — Глупые зайчишки и без медовых пряников обойдутся. А тебе с ними вообще дружить незачем. Слышал, что папа тебе велел?

Он развернул кулёк и облизнулся.

— Мм, до чего же вкусно пахнет! Я, пожалуй, съем сейчас сразу всё.

— Ну и окажешься дураком, — хмыкнул Людвиг Четырнадцатый.

Лабан уже успел засунуть в кулёк лапу. Но тут он удивлённо посмотрел на своего брата:

— Окажусь дураком? Я, самый хитрый в лесу? Это почему?

— Будь я в твоей шкуре, я бы не стал трогать пряников, пока мы не придём домой, — объяснил Людвиг Четырнадцатый. — Представь только, с какой завистью будут смотреть на тебя братья и сёстры, когда ты станешь есть медовые пряники, а им не дашь ничего.

Лабан на время задумался.

— Пожалуй, и ты иной раз бываешь не так уж глуп, — согласился он. — Я сделаю, как ты говоришь, припрячу этот кулёк дома, а есть пряники начну при всех, вечером.

Они уже были у входа в свою нору. Там Лабан вдруг остановился и спросил подозрительно:

– Но не собираешься ли ты, Людвиг, обмануть меня? Попробуй только съесть эти пряники сам!

– Неужели я, маленький, стану обманывать такого большого, такого хитрого Лабана? – отвечал Людвиг Четырнадцатый. – К тому же я медовых пряников терпеть не могу. Можешь не сомневаться, я до них не дотронусь.

Дома Лабан тайком, чтобы никто не видел, спрятал кулёк под своей кроватью в детской. Один только Людвиг приметил это место.

Когда лисята уже собирались идти спать, Лабан сказал громко, так, чтобы все слышали:

– Пожалуй, сейчас самое время полакомиться медовыми пряниками. После жирного обеда особенно хочется сладкого.

– А у тебя ни одного пряника нет, – отвечал ему Леопольд. – Ты на этой неделе истратил все свои карманные деньги, я же знаю.

– Одного пряника мне и не нужно, у меня их целый кулёк, – ухмыльнулся Лабан. – Я сумел их раздобыть хитростью.

– Ты просто хвастаешь, – сказала Лаура. – Покажи свой кулёк, тогда я тебе поверю.

Лабан гордо посмотрел на братьев и сестёр.

– Думайте что хотите, – ответил он и заранее облизнулся. – Только мой кулёчек вот здесь.

И полез под свою кровать. Но сколько он там ни шарил, кулька нигде не было.

Все стали над ним смеяться:

– Ха-ха-ха, тебе, кажется, расхотелось пряников?

А Лабан всё искал, искал, но кулька так и не нашёл. Наконец он вылез из-под кровати, нос у него был красный от злости.

— Кто украл мои пряники? — заорал он. — Открой-те-ка ваши пасти! От кого пахнет мёдом, тот и вор.

Лисята сделали, как он сказал. Лабан обошёл всех одного за другим, Лассе-младшего, Лео и Лукаса, принюхался к Лауре и Линнее, к Луизе, Лидии и Лотте.

Но ни у кого изо рта не пахло мёдом.

Оставался один только Людвиг Четырнадцатый. Лабан подошёл к нему и зашипел:

— Значит, пряники украл ты. Никто, кроме тебя, не видел, куда я засунул кулёк. А ещё говорил, что терпеть не можешь медовых пряников, обещал мне до них не дотрагиваться.

— Не ел я никаких твоих пряников, — ответил Людвиг Четырнадцатый и смело посмотрел в глаза своему старшему брату.

Лабан подскочил к нему и сунул нос ему чуть ли не в самое горло.

Но мёдом и от него не пахло.

Лабан почесал в затылке.

— Да, — продолжал Людвиг Четырнадцатый, — я пряников действительно не ел...

Лабан всё так же злобно смотрел на него.

— ...но я их отдал, — закончил малыш.

— Отдал? — взвыл Лабан и прямо подскочил на месте. — Как ты посмел кому-то отдать мои медовые пряники?

— Я вернул их зайчатам, потому что они были не твои, — спокойно ответил Людвиг Четырнадцатый. — Ты их отнял у моих лучших друзей.

— Глупые зайчишки мне их отдали сами, — прошипел Лабан.

— Потому что ты их обманул, — так же бесстрашно возразил младший брат. — Сказал, что у тебя болит горло, а у тебя ничего не болело. Вот Йокке-Йо с Туффе-То и получили свои пряники назад.

Лабан смотрел на малыша в бешенстве.

— Ты об этом ещё пожалеешь! — заорал он и стал скрести пол когтями.

Все поняли, что Лабан сейчас по-настоящему разозлился. Но Людвиг Четырнадцатый ничуть не испугался, он продолжал невозмутимо смотреть Лабану в глаза.

Неизвестно, чем бы всё кончилось, если бы в детскую комнату не вошёл папа Ларссон. Он как раз в это время стоял за дверью и всё слышал.

— Давайте-ка, детки, спать, — сказал он.

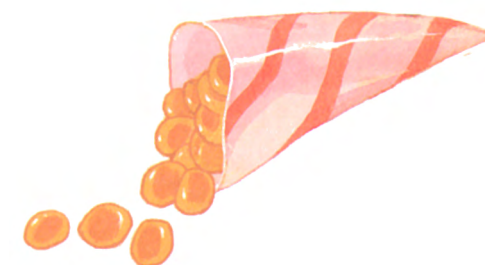
— Папа, папа, Людвиг Четырнадцатый меня обманул, — заныл Лабан. — Он сплутовал...

— Вот как, — прервал его папа Ларссон. — Выходит, мой младший сынишка сумел обмануть даже Лабана, самого хитрого лисёнка в лесу? Не так уж плохо.

Лабану стало стыдно. Он спрятал хвост между задних лап, поскорее уполз в свою постель и не произнёс больше ни слова.

А папаша Ларссон ещё долго сидел в своём кресле в гостиной и бормотал себе под нос:

— Не так, оказывается, прост мой Людвиг Четырнадцатый. Хотя обманывать собственных братьев ему всё же не стоило.

Глава пятая

На следующее утро уже Людвиг Четырнадцатый стал будить Лабана.

— Вставай, пошли погуляем, — тряс он его за плечо. — Ты должен меня ещё многому научить. Вчера было так интересно.

Но Лабан не собирался прощать ему историю с медовыми пряниками.

— Я не желаю больше иметь с тобой дела, — пробурчал он. — С обманщиками не пойду никуда.

— Но ты же сам известный обманщик, — возразил Людвиг Четырнадцатый.

— У меня совсем другое дело, — фыркнул Лабан и повернулся на другой бок. — Оставь меня в покое, я хочу спать.

Пришлось Людвигу Четырнадцатому идти одному. Правда, папа запретил ему играть с другими зверятами. Но раз Лабан не захотел с ним пойти, он имел полное право встретиться со своими друзьями.

Первым делом Людвиг Четырнадцатый решил забежать к Йокке-Йо и Туффе-То. Однако перед входом в их нору его уже поджидала мама Зайчиха.

— Мои мальчики не будут с тобой играть, — твёрдо сказала она. — Ты и твой братец их обманули. Я знаю, вы вчера отняли у них кулёк с медовыми пряниками.

— Так ведь это не я, — попробовал объяснить Людвиг Четырнадцатый, — это был Лабан. Разве ты не знаешь, тётя Зайчиха, что я вчера вечером вернул им кулёк?

— Это тебя не оправдывает. Ты всё равно в обмане участвовал, — сказала Зайчиха и захлопнула дверь перед его носом.

Людвиг Четырнадцатый грустно вздохнул и поплёлся дальше, к другому своему хорошему другу, белочке Агне Хопман.

Белочка сидела на самой верхушке ели и очищала шишку.

— Привет, Агне! — крикнул ей Людвиг Четырнадцатый. — Спускайся, давай с тобой поиграем!

— Мне с тобой не разрешают играть, — ответила Агне. — Тётя Зайчиха вчера сказала моей маме, что ты отнял у Йокке-Йо и Туффе-То два кулька с медовыми пряниками.

— Но это же не я сделал, — проговорил Людвиг Четырнадцатый. — Их обманул Лабан, а кулёк был один, и я потом его вернул.

Но Агне Хопман ничего на это не ответила, она просто перепрыгнула на другое дерево.

Людвиг Четырнадцатый уже был готов заплакать.

«Пойду тогда к Котте, – решил он. – Котте всегда хорошо ко мне относился».

Котте – так звали ежа, который поселился под старым сараем в глубине леса.

– Привет, Котте! – кликнул его Людвиг Четырнадцатый, подойдя к полуразвалившемуся строению. – Ты дома?

– Нет, – ответил ему сердитый голос. – То есть вообще-то я дома, но для тебя меня тут нет.

– Да это же я, Людвиг Четырнадцатый, твой друг! – воскликнул Людвиг уже в отчаянии. – Не шути так, выходи ко мне.

– Я не шучу и тебя своим другом больше не считаю, – ответил Котте. – Раньше ты мне нравился, но оказалось, ты такой же обманщик, как все лисы. Думаешь, я не знаю, как ты хитростью отобрал три кулька с медовыми пряниками у Йокке-Йо и Туффе-То?

– Но это же неправда! – попробовал возразить Людвиг Четырнадцатый.

– А мне сказали, что правда, – настаивал Котте. – Моя мама слышала это от мамы Агне Хопман, а та слышала от мамы Йокке-Йо и Туффе-То.

Людвиг Четырнадцатый понял, что Котте больше с ним говорить не станет. Расстроенный, он поплёлся дальше.

У него теперь оставалось только два друга, горностайчики Оке и Бенгт.

Людвиг Четырнадцатый подошёл к входу в нору, где они жили, и позвал:

– Эй, Оке и Бенгт, выходите поиграть!

– Неохота, – ответил Оке.

– Никакого желания, – ответил Бенгт.

– Нам нельзя! – хором сказали горностайчики Оке и Бенгт.

– Да почему же нельзя? – спросил Людвиг Четырнадцатый, хотя сам уже знал, что они ответят.

– Наша мама слышала от мамы Котте, которой это сказала мама Агне Хопман, а той рассказывала мама Йокке-Йо и Туффе-То, что ты – тьфу, какая гадость! – выманил у зайчат четыре кулька с медовыми пряниками, – объяснил Оке.

– Ты очень некрасиво поступил, – добавил Бенгт, – поэтому нам больше с тобой нельзя играть.

Одинокая слеза потекла по щеке Людвиг Четырнадцатого, и он мог только промокнуть её кончиком хвоста.

Почему все зверята, с которыми он дружил, вдруг от него отвернулись?

От него, который вовсе не был плутом, наоборот, хотел всем помочь, сделать как лучше?

Людвиг Четырнадцатый не сомневался, что молва о нём теперь облетит со скоростью ветра всех зверей в лесу. Ещё не наступит вечер, а все уже будут знать, что он выманил у бедных зайчат не меньше сотни мешков с медовыми пряниками.

Людвиг Четырнадцатый улёгся на большой пенёк и задумался.

Раньше папа Ларссон запрещал ему водиться с другими зверятами в лесу – теперь они сами больше не хотели с ним играть.

А дома на него продолжал злиться брат Лабан. Он, наверно, придумывал, как сильнее отомстить братцу. От него можно было ожидать чего угодно.

«То есть у меня вообще не осталось ни одного друга, – горестно размышлял Людвиг Четырнадцатый. – Что мне теперь делать?»

И понял, что у него есть единственный выход:

ОН ДОЛЖЕН УБЕЖАТЬ ИЗ ДОМА!

Что ж, так Людвиг и порешил. Он спрыгнул с широкого пня и подыскал себе тропу, по которой до сих пор никогда не ходил. Он шёл, шёл по ней долго, осторожно минуя прогалины, где его мог бы заметить враг. И наконец счёл, что достаточно удалился от дома.

Начинало смеркаться. Хотя шубка на Людвиге Четырнадцатом была довольно пушистая, он стал мёрзнуть. Кроме того, он уже проголодался, потому что после завтрака дома ничего больше не ел. Если не считать, конечно, ягод и корешков, которыми удавалось полакомиться по пути.

«А у нас, наверно, все уже садятся ужинать, – печально подумал он. – Заметил ли хоть кто-нибудь, что меня за столом нет?»

Лисёнок чувствовал себя ужасно одиноким.

Внезапно стало светлее, лес кончился. Перед ним открылось большое, просторное поле. А на другой его стороне светились несколько огней.

Людвиг Четырнадцатый огляделся вокруг, и местность показалась ему знакомой. Он тут же понял, где очутился.

Это было то самое место, где они вчера лежали с Лабаном и разглядывали постройки людей.

«Забавно, – подумал Людвиг Четырнадцатый и почесал у себя за ухом. – Шёл, шёл чуть ли не целый день – а оказался почти рядом с домом».

На миг он даже засомневался, не вернуться ли ему домой: можно ещё поспеть к мамину ужину.

Но в следующий миг от этой мысли он отказался.

«Решил, что убегу из дома, значит, убегу, – пробормотал он про себя. – Вообще всё не так уж плохо. Если бы только не мучил голод».

И он стал через ограду наблюдать за овсяным полем. «Как это вчера говорил Лабан? Из этих растений мама готовит нам овсяную кашу?»

Нельзя сказать, чтобы Людвиг Четырнадцатый так уж любил овсянку, но хоть чем-нибудь наполнить желудок всё-таки было необходимо.

Людвиг перепрыгнул через канаву, прополз под плетнём и начал жевать овсяные стебли. Вкус у них оказался совсем не такой, как у овсянки.

– Этот Лабан или сам дурак, или меня опять обманул, – пробурчал он.

Но голод донимал всё сильнее, в животе урчало.

«Как это говорил папа Ларссон: у людей всегда найдётся еда, – вспомнил Людвиг Четырнадцатый. – Хватило бы только хитрости её раздобыть».

Но ведь он, Людвиг, был совсем не хитрец. И как ему набраться смелости, чтобы проникнуть во двор к людям? Он всё-таки очень, очень боялся.

Людвиг некоторое время ещё колебался, наконец всё же решился.

«Мой голод сильнее моего страха, – сказал он себе. – Как-нибудь проскользну, а там, глядишь, и еда найдётся».

Через овсяное поле можно было перебраться, не опасаясь встречи с людьми. Страшней стало, когда поле закончилось. Тут пришлось ползти между рядами каких-то растений, совсем прижимаясь брюхом к земле.

Людвиг повёл носом, принюхался. Пахло чем-то необыкновенно сладким.

Папа Ларссон рассказывал про замечательную ягоду, которую люди выращивают в своих огородах. Называлась эта ягода клубникой. Людвиг Четырнадцатый понял, что попал как раз на участок с этой клубникой.

И тут он наострил уши.

Показалось, будто в темноте что-то скрипнуло.

Потом вновь стало тихо. Людвиг решил, что он, наверно, ослышался. Поднял голову, чтобы посмотреть, как ему быстрее попасть во двор.

И ВДРУГ ОН УВИДЕЛ НЕЧТО УЖАСНОЕ!

Прямо перед ним возвышалась громадная фигура в длинном пальто, она грозно расставила руки, точно собиралась его схватить.

Людвиг Четырнадцатый никогда ещё не видел живого человека, только на картинке в книге, которую ему показывали Йокке-Йо и Туффе-То.

Может, эта фигура на клубничных грядках была человеком? У Людвига перехватило дыхание, он не мог шевельнуться, только смотрел на это ужасное существо. И чем дольше он на него смотрел, тем больше оно казалось ему странным.

Он как следует протёр глаза. Нет, ничего ему не почудилось.

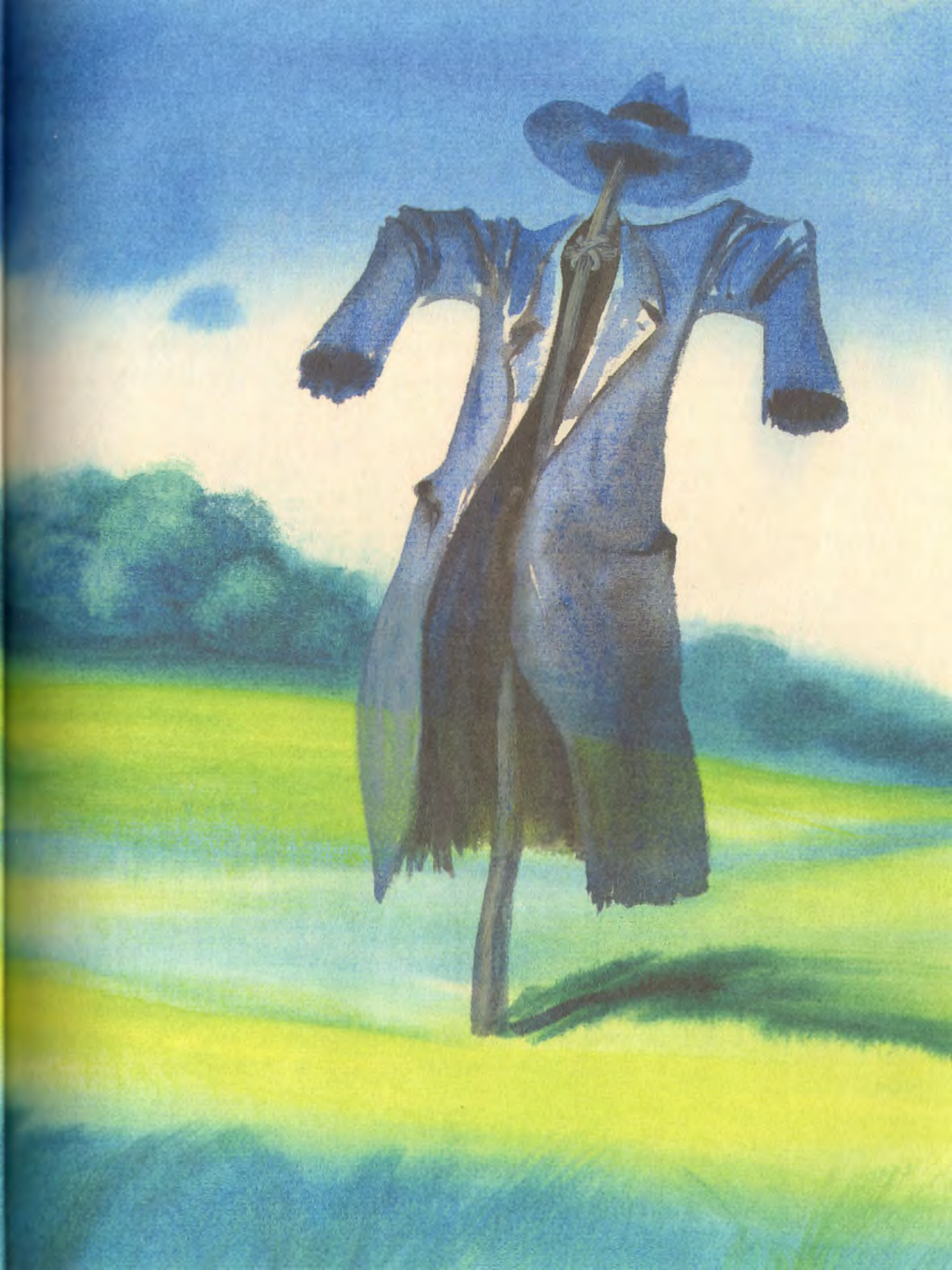
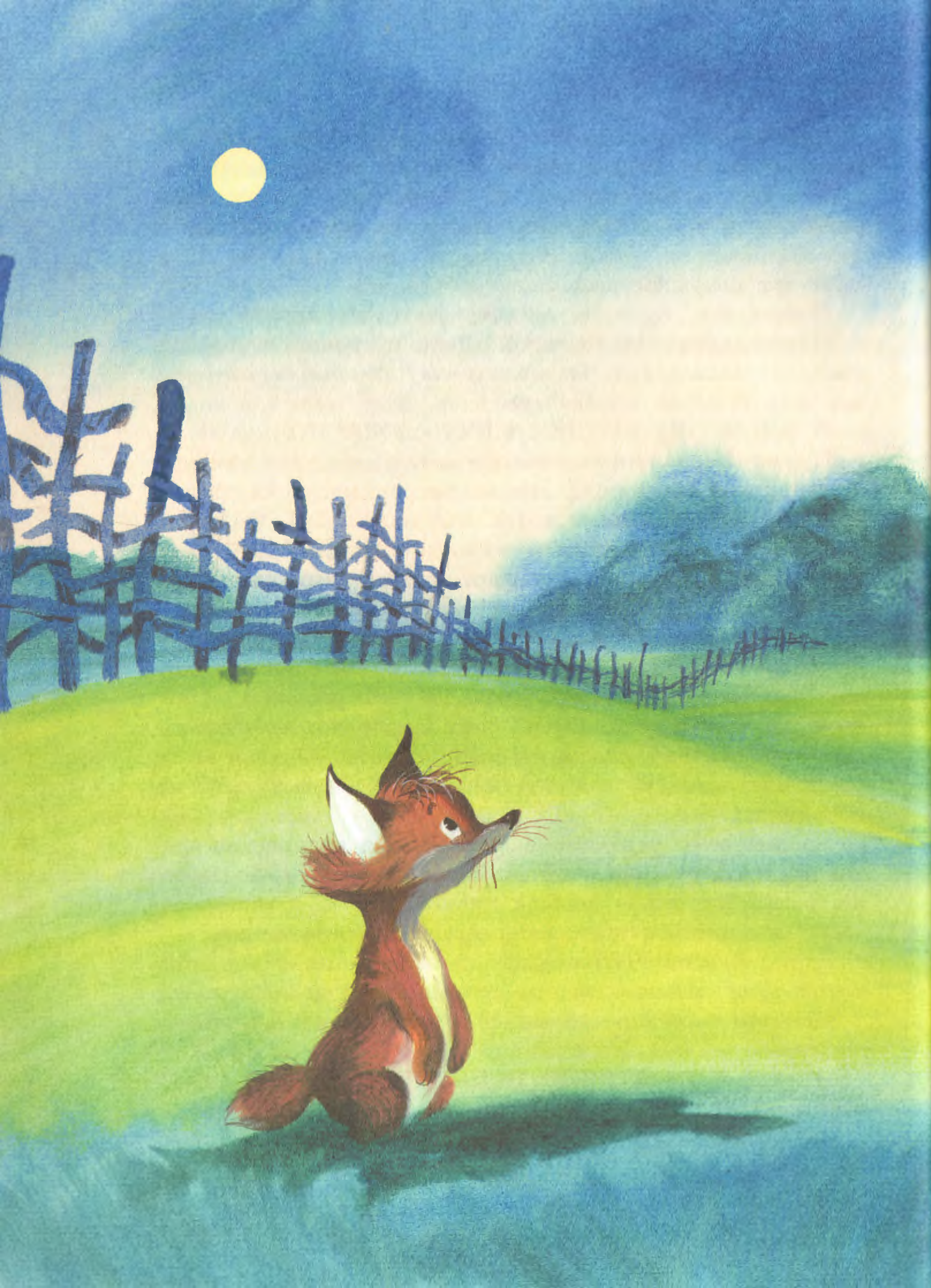
На голове у существа была большая шляпа, но никакого лица под шляпой не было. Ни глаз, ни носа, ни ушей, ни рта – вообще ничего.

Только иногда слышалось лёгкое позвякивание.

Вдруг Людвиг Четырнадцатый обнаружил, что в поднятой руке существа что-то колышется и поблёскивает.

Нет, это был конечно же не человек, это было что-то похуже.

ПЕРЕД НИМ СТОЯЛО ПРИВИДЕНИЕ!

От страха Людвиг Четырнадцатый похолодел, вся шерсть на нём встала дыбом. Позабыв про всякую осторожность, он со скоростью молнии пустился наутёк через клубничные грядки, через овсяное поле и в один прыжок приземлился в канаве за изгородью.

– Помогите! – запищал кто-то.

– Помогите! – завопил Людвиг Четырнадцатый.

А в следующий миг он обнаружил, что упал на маленький пушистый комочек и этот комочек пищал.

Глава шестая

Трудно сказать, кто испугался больше: Людвиг Четырнадцатый или маленький пушистый комочек.

Первым, как бы там ни было, пришёл в себя лисёнок. Он начал кричать:

– Это что за манера – налетать на ни в чём не повинных зверей? Вот возьму и вызову сейчас полицию!

– Но я ни на кого не налетала, – запищал пушистый комочек, – я ещё не совсем умею летать. Если кто и должен вызвать полицию, так это я. Не я же на тебя упала, а ты на меня.

В канаве было довольно темно. Людвигу Четырнадцатому пришлось напрячь зрение, чтобы разглядеть: пушистый комочек был гораздо меньше его самого. Это прибавило лисёнку храбрости.

– Зачем же ты гуляешь так поздно у самой опушки и совсем одна? – сказал он строго. – Таким малышам, как ты, в это время давно пора спать.

– Мне не хватает смелости, чтобы покинуть это укрытие и пойти домой, – жалобно пропищал комочек. – Мне почудился в воздухе запах лисы. А страшной лисы, говорят, нет никого на свете.

Людвиг Четырнадцатый усмехнулся про себя.

– Ты что, никогда не видела лисы? – спросил он.

– Никогда, – призналась малютка. – Только на картинке. Я знаю, что они совсем белые, у них длинные уши и вместо хвоста маленький шарик.

– А тебе не кажется, что ты смотрела не ту картинку? – спросил Людвиг Четырнадцатый.

– Ой, я и вправду глупая, – засмеялась та. – Каждый раз делаю одну и ту же ошибку: путаю лису с зайцем. Хотя ведь меня учили: у лисиц рыжий мех и большой пышный хвост. Кроме того, лисы ужасно хитрые.

– Вот это больше похоже на правду, – согласился Людвиг Четырнадцатый.

– А ты сам хоть когда-нибудь видел настоящих лисиц? – поинтересовался пушистый комочек.

– Даже не один раз, – честно признался Людвиг.

– И тебе никогда не было страшно?

– Никогда! – гордо ответил он.

– Ты, должно быть, очень храбрый! – восхитился пуховый комочек. – Как тебя, кстати, зовут?

– Людвиг Четырнадцатый Ларссон, – сказал лисёнок.

– Какое забавное имя, – засмеялся комочек.

– И никакое не забавное, – сердито засопел Людвиг. – У нас самая большая семья во всём лесу, и я случайно оказался четырнадцатым ребёнком. Так просто получилось.

– У вас всего только четырнадцать детей? – запылал пуховый комочек. – Тут нечем особенно хвататься.

– Ты хочешь сказать, у вас семья больше? – пробурчал Людвиг Четырнадцатый. Его всё больше сердило, что эта пушистая крохотка как будто над ним насмехается.

– Я всех своих братьев и сестёр просто не могу сосчитать, – ответила малышка. – А меня зовут Тутта Карлссон.

На время в канаве стало тихо. Оба думали про себя одно и то же: кто это передо мной?

Людвиг Четырнадцатый решил спросить первым:

– Ты, что ли, птица, да?

Тутта кивнула.

– Но ты же сама только что сказала, что не очень умеешь летать?

Тутта опять кивнула.

– Ты живёшь в лесу?

Тутта покачала головой: нет.

– Значит, у людей?

Тутта кивнула.

– А как называется цвет твоего меха?

– У меня нет меха, у меня пух, и он пока жёлтого цвета, – ответила Тутта Карлссон.

Людвиг Четырнадцатый опять почесал у себя за ухом.

– Жёлтая птица, которая не очень умеет летать и живёт у человека... – подумал он вслух. – Значит, это...

И Людвиг Четырнадцатый от удивления даже икнул.

– Ты, что ли, курица? – осторожно спросил он.

Тутта Карлссон не сразу ответила.

– Ты не слышала, что я тебя спрашивал? – настойчиво повторил он.

– Нет... то есть слышала, – пропищала Тутта. – Но я не курица. А вот кто такой ты? Ты живёшь здесь, в лесу? Совсем рядом?

Людвиг Четырнадцатый кивнул.

– Ты ручной?

Людвиг отрицательно покачал головой.

– А какого цвета у тебя перья?

– У меня нет перьев, у меня мех, и он рыжий, – ответил Людвиг Четырнадцатый.

– У тебя большой хвост?

– Думаю, так можно сказать, – кивнул Людвиг.

– Ура, я же правильно угадала! – воскликнула Тутта Карлссон и подошла поближе. – Ты заяц!

– А я говорю, не угадала, – сказал Людвиг Четырнадцатый.

Тутта Карлссон испуганно замерла.

«Дикий зверь с рыжим мехом и большим хвостом. Если это не заяц, то, значит...»

Она смотрела на него с ужасом.

– Но ты ведь не тот самый хитрый лис? – пролепетала она.

Людвиг Четырнадцатый на время задумался, потом сказал:

– Нет.

Тутта Карлссон с облегчением вздохнула.

– Какое счастье, – просияла она. – А я-то уже думала, что встретила самого страшного зверя.

Людвиг Четырнадцатый усмехнулся про себя, в темноте это не было видно. Знала бы Тутта Карлссон, кто он на самом деле!

Тут в животе у него заурчало, голод напомнил о себе. Ещё бы, столько за день пришлось пережить.

– Я очень проголодался, – пожаловался он. – За целый день ни крошки во рту не было.

– Ах ты, бедный Людвиг Четырнадцатый, – посочувствовала Тутта Карлссон. – Какую еду ты больше всего любишь?

– Я сейчас готов съесть всё, – отвечал Людвиг. – Ты разве не слышишь, как громко урчит у меня в животе?

– Знаешь, что я хочу тебе предложить? – сказала Тутта Карлссон. – Пойдём ко мне. Ты по дороге будешь меня охранять, а то вдруг заявится лиса. У нас во дворе всегда найдётся сколько угодно еды.

– А мне разве можно? – засомневался Людвиг Четырнадцатый.

– Почему нет? Это совсем не опасно, – заверила Тутта Карлссон. – Перейдём овсяное поле, потом мимо клубничных грядок – и мы дома. Ты ведь сам уже побывал там прежде, чем очутился здесь.

Тут Людвиг Четырнадцатый вспомнил, что с ним было перед тем, как он попал в эту канаву, и ему опять стало страшно.

– Нет, – сказал он решительно, – второй раз я туда не пойду. – Лучше останусь голодным.

– Глупый, – засмеялась Тутта Карлссон, – люди совсем не опасны. Может, ты боишься собак? Но ведь наш Максимилиан добрый.

– Я не боюсь ни людей, ни собак, – ответил Людвиг Четырнадцатый. – Мне страшно только привидение, которое стоит там, на клубничном поле. Ты, что

ли, не видела это чудище, которое там торчит, руки растопырило вот так, да ещё скрипит? А какое у него лицо... мне даже вспоминать страшно.

Тутта Карлссон засмеялась так, что даже пёрышки на ней затрепыхались.

– Нечего веселиться, – рассердился Людвиг Четырнадцатый. – Если бы я не убежал и не спрятался тут, в канаве, это привидение погналось бы за мной, чтобы меня съесть. Можешь не сомневаться.

– Пошли туда вместе, – сказала Тутта Карлссон и захлопала крылышками. – Обещаю тебе, что привидение тебя не съест.

– Ты что, с ним знакома? – Людвиг от удивления даже разинул рот.

Тутта Карлссон ничего не ответила, только запрыгала впереди Людвига через овсяное поле, и скоро они оказались на огороде возле клубничных грядок.

– Стой, – зашептал Людвиг Четырнадцатый. – Вот же оно, привидение. Ты, что ли, его не видишь? Я больше не сделаю ни шагу.

– Трусилка, – так же шёпотом ответила Тутта. – Иди за мной и не бойся. Ты мне казался таким смелым!

После этих слов Людвигу уже не пристало трусить. Он последовал за Туттой Карлссон, хотя после каждого шага сердце у него колотилось всё сильнее.

Они оказались прямо перед фигурой с раскинутыми в стороны руками.

– Вот это, что ли, твоё страшное привидение? – спросила Тутта Карлссон. – Посмотри, оно ведь даже шевельнуться не может.

– Если это не привидение, значит, это человек, – предположил Людвиг Четырнадцатый. – Видишь, у него даже одежда и шляпа на голове.

Тутта захихикала.

— Неужели все звери в лесу такие же глупые, как ты? — сказала она. — Это не привидение и не человек.

Людвиг уже сам почувствовал, что он допустил оплошность. Ему стало стыдно.

— Кто же это тогда? — спросил он.

— ЭТО ПУГАЛО!

Тутта начала смеяться опять и уже не могла остановиться.

— Ты решил, что обычное пугало может тебя съесть, — веселилась она. — Сейчас расскажу об этом на нашем дворе, то-то будет умора!

— Надо же, всего лишь пугало, — смущённо пробормотал Людвиг Четырнадцатый. — Чего только люди не придумают! Откуда я мог знать? Хватит смеяться, лучше позаботься о какой-нибудь еде для меня, ты же обещала. Я ведь исполнил своё обещание защитить тебя от коварных лисиц. Ты теперь должна меня за это отблагодарить.

— Видишь тот дом, в котором светится огонёк? — показала Тутта Карлссон. — Пойдём туда. Наверняка там осталось что-нибудь после ужина. Иди за мной. Тут небольшое отверстие в стене, надо в него пролезть. Только не шуми, все, наверно, уже спят.

Людвиг Четырнадцатый легко проскользнул в отверстие и заморгал от непривычно яркого света. Под толчком там горела лампа.

В помещении было тихо, но тишина продержалась не больше секунды.

— Ско-ко-ко-рей на помощь! — раздался испуганный крик. — К нам пробралась лиса!

И поднялся такой дикий переполох, что бедный Людвиг от шума чуть не оглох.

– Кука-рраул! – кричали со всех сторон. – На помощь!

Только тут Людвиг наконец понял, куда он попал. **ОН ОКАЗАЛСЯ В КУРЯТНИКЕ.**

Поискав взглядом Тутту Карлссон, он увидел, что та спряталась за большим ведром.

– Ты меня обманула, – сказал ей лисёнок. – Ты курица.

– Нет, я не курица, я цыплёнок, – возразила она. – А вот ты меня одурачил. Ты хитрый, коварный лис.

– Нет, нет, – жалобно произнёс Людвиг Четырнадцатый. – Я действительно лис, но я не коварный.

Глава седьмая

Шум в курятнике скоро утих. Теперь все с любопытством уставились на Людвига Четырнадцатого. Ведь цыплята впервые в жизни видели живую лису.

– Глянь-ка, хитрый лисёнок пожаловал к нам в гости, – закудахтала старая курица Лаура. – Ты в самом деле не собираешься нас сожрать? Я знаю твоего папашу, он, по правде сказать, бывал не очень с нами любезен.

– Я не собираюсь никого из вас есть, но я ужасно голоден, на любую еду согласен, – ответил Людвиг Четырнадцатый. – Тутта Карлссон обещала мне найти хоть что-нибудь.

– Бедный малыш, – стала кудахтать Лаура. – Конечно, для тебя найдётся что поесть. Там в миске осталось кое-что.

Людвиг Четырнадцатый, не дослушав до конца, кинулся к миске и с жадностью начал уплетать за обе щёки.

– Хорошо, что ты справился быстро, – одобительно сказала Лаура. – Если тебе ничего больше не нужно, исчезай поскорей отсюда. Я не уверена, что нашему Кукарекуну очень понравится увидеть у себя в гостях молодого лиса.

– Кукарекун – это наш петух, – пояснила Тутта Карлссон. – Он сейчас во дворе, но скоро должен вернуться. До тех пор тебе лучше уйти.

Но было уже поздно.

Кукарекун, петух в роскошном цветастом наряде, появился у входа.

– Кукареку, кукареку, уже девять часов, – пропел он и гордо закинул голову. – Кукареку, кукаре... – Тут он ошеломлённо оборвал своё кукареканье – увидел перед собой Людвига Четырнадцатого. И сразу закричал во весь голос: – Кар-раул, кука-рраул, на помощь, лиса в курятнике! На помощь, Максимилиан! Скорей приходи, спасай женщин, детей!

Вот про кого чуть не забыл Людвиг Четырнадцатый: здесь был ещё пёс Максимилиан. Папа считал его почти таким же хитрецом, как он сам.

– Помогите! – закричал теперь лисёнок. – Я не хочу, чтобы меня поймал Максимилиан!

Тут все куры наперебой принялись объяснять петуху Кукарекуну, что Людвиг вовсе не злой лис, наоборот, очень даже добрый.

В курятнике опять поднялся неописуемый шум. Петух кукарекал, куры кудахтали, цыплята пищали, а Людвиг Четырнадцатый подвывал.

За шумом никто не заметил, как дверь открылась и появилась такса на коротких кривых ножках.

Людвиг Четырнадцатый увидел, как остренький нос пса протиснулся между двумя серенькими хохлатками.

«Теперь бы только выбраться – и домой!» – подумал он и прошмыгнул мимо таксы. Но тут же остановился. Потому что перед ним предстало что-то, чего он до сих пор никогда не видел.

Вначале ему показалось, что это два бурых древесных ствола. Только для деревьев они были слишком гладкие и блестящие. Он поднял взгляд и увидел сначала что-то коричневое, а ещё повыше что-то зелёное.

Дольше смотреть Людвиг Четырнадцатый не решился, потому что он и так уже понял, кто сейчас стоял перед ним.

ЭТО БЫЛ ЧЕЛОВЕК!

Первый человек, которого Людвиг увидел в этой жизни. То, что показалось ему блестящими стволами, было парой свеженачищенных сапог, коричневое над ними – брюками, а зелёное наверху – его курткой.

– Максимилиан-эй-скорее-сюда-живой-лисёнок-в-курятнике! – закричал человек грубым голосом.

Для маленького Людвига человеческая речь звучала как одно слитное длинное слово, он, конечно, не мог ясно разобрать, что сказал человек.

Но не обязательно всё понимать, достаточно осознать, в какой ужасной он оказался опасности. Следовало скорее спастись, но он не знал как, и не было возможности улизнуть.

– Не-дай-лисёнку-уйти-хватай-его! – шумел человек.

И началась настоящая охота.

Никогда ещё за всю свою жизнь Людвиг Четырнадцатый не бегал так быстро. Но такса от него не отставала.

Людвиг пронёсся мимо одного дома, другого, попробовал спрятаться между кустов, потом за какими-то непонятными предметами на дворе.

Всё равно по пятам за ним, носом к земле, следовала такса.

«Найти бы мне хоть какое-нибудь укрытие, – думал Людвиг. – Ещё немного, и у меня уже не останется сил бежать!»

Возле большого дома, где жил человек, он увидел что-то похожее на ящик. Поскорей запрыгнул в него через круглую дырку и лёг на землю. Ему надо было отдышаться.

– Хорошо, если Максимилиан меня здесь не найдёт, – простонал он в отчаянии. – Я не хочу, чтобы люди меня поймали. Я хочу в свой лес.

Людвиг сам ещё не догадывался, что лучшего укрытия себе пожелать он не мог. Пёс ни разу даже не посмотрел в его сторону, хотя он несколько раз был совсем близко.

Людвиг вздохнул с облегчением. А Максимилиан всё ещё продолжал бегать.

Наконец охота всё же закончилась. Максимилиан перестал лаять, наступила тишина.

Людвиг Четырнадцатый высунул голову из своего укрытия и собирался, было, уже его покинуть, когда неподалёку послышались шаги.

Пришлось поскорей снова спрятаться. Через дыру он мог видеть, как мимо протопали огромные сапоги.

– Лисёнок-всё-таки-удрал-хотя-Максимилиан-всё-время-сидел-у-него-на-пятках, – сказал человек. – Вот-ведь-рыжий-хитрец!

Людвиг Четырнадцатый смог разобрать лишь последние слова, и сердце у него забилося от гордости. Слышал бы это папа Ларссон! Человек назвал его, Людвига, хитрецом, каково!

– Пошли-домой-пить-свой-кофе, – продолжал человеческий голос. – Рыжий-думаю-уже-у-себя-в-лесу. В-следующий-раз-тебе-Максимилиан-надеюсь-повезёт-больше.

Людвиг Четырнадцатый с облегчением вздохнул и уже второй раз собирался выбраться из своего убежища, когда кто-то появился перед входным отверстием.

И кто же это был? Максимилиан!

Чёрная гладкая шерсть его блестела, красный язык свисал изо рта.

Людвиг Четырнадцатый скорчился, ему хотелось стать как можно меньше.

– Надо же, что за вечер! – пожаловался Максимилиан. – Опять лис от меня улизнул. Ничего, погоди, уж в следующий раз тебе не уйти! Я покажу тебе, как делаются котлеты!

От этих слов у Людвига опять засосало в желудке, он вдруг вспомнил, до чего голоден, и спросил, сам не понимая, что делает:

– А у тебя есть котлета?

И тут же прикусил язык. Он окончательно себя выдал.

– Это кто тут подал голос? – сердито пробурчал Максимилиан.

– Ах, это всего лишь я, не обращай на меня внимания, – слабым голосом отвечал Людвиг Четырнадцатый. – Мы сегодня вечером уже, кажется, встречались.

Меня зовут Людвиг Четырнадцатый Ларссон, очень приятно, всего доброго, счастливо оставаться, мне пора домой.

Но выбраться из будки он не мог, потому что Максимилиан загородил выход.

«Вот сейчас он меня и укусит», – подумал Людвиг Четырнадцатый и от страха зажмурился.

Но ничего не случилось. Когда Людвиг осторожно приоткрыл один глаз, Максимилиан выглядел вовсе не злым. Он лежал на полу и смеялся.

– Это ты, значит, тот хитрый и храбрый лис, за которым я столько гонялся, – сказал он одобрительно.

Людвиг Четырнадцатый опять ощутил прилив гордости. Шутка ли, уже второй раз за вечер его похвалили за хитрость. Слышал бы это сейчас папа Ларссон, как бы он мог порадоваться за своего младшего сынишку!

– Я ведь весь двор обегал, чтобы тебя найти, – продолжал Максимилиан. – А ты вот где, оказывается, прятался? В МОЕЙ СОБСТВЕННОЙ БУДКЕ! Никогда бы не догадался!

– Что? В твоей собственной будке? – ошеломлённо спросил Людвиг Четырнадцатый. – Ты здесь живёшь?

– Не стану отрицать, – отвечал Максимилиан. – Мне и в голову не пришло, что у тебя хватит смелости здесь спрятаться.

– Ну да, конечно. Я сам так и подумал, – соврал Людвиг Четырнадцатый. – Потому здесь и спрятался.

Максимилиан расхохотался уже совсем от души.

– Да я на тебя не сержусь, – пролаял он сквозь смех. – Но послушай, после такой бурной охоты ты,

должно быть, сильно проголодался. Если хочешь, я могу тебе предложить сочную косточку.

Повторять приглашение дважды не пришлось. Ужин в курятнике Людвиг Четырнадцатого совсем не насытил. Он взял из миски Максимилиана самую большую кость.

– Увидел бы нас сейчас кто-нибудь, – чавкая, проговорил Максимилиан. – Собака ужинает вместе с лисой. Прямо как в сказке. Как, ты сказал, тебя зовут?

– Людвиг Четырнадцатый Ларссон, – представился лисёнок.

– Ларссон? – проворчал Максимилиан. – Ты, может, знаешь старого хитреца Ларссона, который живёт в норе возле Можжевеловой рощи?

– Это мой отец, – ответил с гордостью Людвиг. – Он часто мне о тебе рассказывал, Максимилиан.

– Ну а про него ты можешь мне не рассказывать! – воскликнул Максимилиан и заметно оживился. – Да, мы не раз гонялись за ним. Не стану хвастаться, но должен сказать, что твой отец почти так же хитёр, как я. Хорошо помню, как в последний раз я его почти настиг, даже успел неплохо тяпнуть его за заднюю лапу. Передай ему, в следующий раз он от меня не уйдёт!

Последняя косточка тем временем была обглодана. Оба, усталые, лежали рядышком на полу собачьей будки.

– Тебе, думаю, надо уже домой, – зевнул Максимилиан. – Мне было приятно с тобой познакомиться, но сомневаюсь, что и моему хозяину понравится, что я тут беседую с лисами.

– Ох, но мне так далеко добираться, – вздохнул Людвиг Четырнадцатый. Он чувствовал себя ужасно-

преужасно усталым. – Не знаю даже, смогу ли я найти дорогу домой.

– Да это недалеко, – успокоил его Максимилиан. – Я провожу тебя до изгороди. Вечерняя прогулка мне самому не помешает.

И пёс вместе с лисёнком побежали через двор к клубничным грядкам и овсяному полю. За изгородью Максимилиан остановился.

– Отсюда уже недалеко, – сказал он. – Иди всё время прямо, никуда не сворачивай.

– Ты что, знаешь, где я живу? – удивился Людвиг Четырнадцатый.

В темноте ему не было видно, как Максимилиан про себя усмехнулся.

– А ты думаешь, я не могу знать, где хитрый Ларссон устроил себе нору? Может, я скоро пожалую к вам с визитом. Должен тебя предупредить: с этого момента мы больше не друзья. Не вздумай ещё раз наведаться в курятник! Тебе не поздоровится, имей в виду.

Максимилиан злобно залаял, давая понять, что он говорит всерьёз, и тут же исчез в темноте.

Людвиг Четырнадцатый как мог быстрее припустил по тропинке. Никогда ещё он не возвращался домой так поздно. Что скажет на это отец?

Тихонечко, чтобы его никто не заметил, он пробрался в гостиную. Отец сидел там в своём кресле. С кислой миной он достал из жилетного кармана часы.

– Где ты пропадал целый день? – спросил папа Ларссон сердито. – Детям уже давно пора спать.

– А меня сегодня похвалили за хитрость, – ушёл от ответа Людвиг Четырнадцатый.

– Приятно это слышать, – немного смягчил тон отец. – Мне показалось, только что неподалёку лаяла собака. Я не ошибся?

– Да, папа, это лаял Максимилиан, – ответил Людвиг Четырнадцатый.

– Максимилиан? Проще говоря, мой лучший друг, – с усмешкой сказал папа Ларссон. Вот и догадайся, как следовало понимать эти слова. – Не стану хвататься, – продолжал он, – но этот пёс почти так же хитёр, как я. Мне особенно помнится последний раз, когда я гонялся за ним и очень неплохо тяпнул его за заднюю лапу. Ничего, в следующий раз он так легко не отделается. Ему стоит побережться. Запомни мои слова!

Людвиг Четырнадцатый про себя ухмыльнулся. Кто из них говорил правду, Максимилиан или его папа? Оба сказали буквально одно и то же, только имели в виду совсем разное.

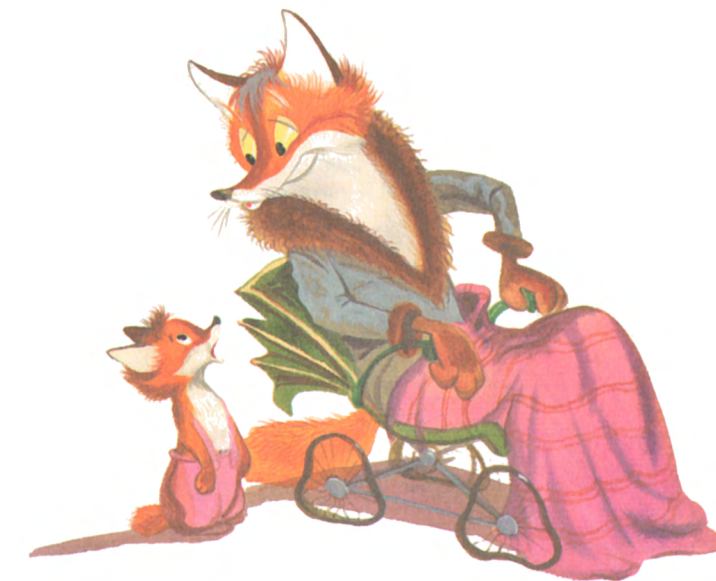
И вдруг до папы Ларссона по-настоящему дошло, что пытался донести до него Людвиг. Он вскочил со своего кресла и, побагровев, закричал:

– Что ты сказал, малыш?! Ты встретил Максимилиана?

– Он увидел меня, когда я вечером ужинал в курятнике, стал гоняться за мной. Так и не догнал, а потом найти меня не сумел, потому что я спрятался в его будке. Но он на меня за это не рассердился, наоборот. Мы поели с ним из одной миски, у нас были неплохие косточки. А потом он ещё немного меня проводил. На прощание, правда, обещал, что мы всё-таки остаемся врагами, – быстро, не переводя дыхания, рассказал всё Людвиг Четырнадцатый.

Папа Ларссон подошёл к сыну и погладил его по голове.

– Ты, я думаю, задремал в лесу под какой-нибудь ёлкой, и тебе это приснилось, – мягко проговорил он. – Иди к себе в детскую и поспи ещё.

Глава восьмая

Утром за завтраком Лабан спросил Людвига Четырнадцатого:

– Что ты делал вчера целый день?

– Так, ничего особенного, – пробормотал Людвиг. – Гулял по лесу, немного играл, то да сё.

– То да сё, – передразнил Лабан. – Надеюсь, ты не играл там с чужими зверятами? Знаешь ведь, что папа это запретил.

Тут сам папа Ларссон вступил в разговор:

– Наш малыш Людвиг ни с какими зверятами не играл. Он проводил время с моим заклятым врагом Максимилианом.

Все лисята от удивления разинули рты.

– С Максимилианом, этим ужасным псом?! – закричали они наперебой.

Папа Ларссон засмеялся.

– Тише, тише, не волнуйтесь так, – успокоил он детей. – Хотя Людвиг и уверял, что он не хочет быть хитрецом, плутовать он уже умеет. Представьте себе, он вообразил, будто может дурачить старого отца. Ведь правда, Людвиг, ты нас разыгрываешь?

Людвиг Четырнадцатый уставился на свою консервную банку со сгущённым молоком и не знал, что сказать. Не успел он ответить, как в комнату вошла мама:

– Дети, побыстрее заканчивайте завтрак, вам уже пора в школу. Нельзя опаздывать.

– Давайте, давайте, поспешите, – продолжил насмешливо Лабан. – А то не станете такими же хитрыми, как ваш старший брат.

Все двенадцать лисят рыжей молнией выскочили из норы. Остались только Лабан и Людвиг Четырнадцатый.

– Не хочешь поиграть со мной? – спросил младший.

– Не дождёшься, – ответил Лабан. – Думаешь, я забыл, как ты меня надул с медовыми пряниками? Я не играю с теми, на кого нельзя положиться.

Людвиг Четырнадцатый, огорчённый, направился к выходу.

– И не забудь, что тебе и с другими в лесу дружить нельзя! – крикнул ему вслед Лабан. – Глядишь, ты снова наведишь Максимилиана. Он не из нашего леса, с ним играть можно.

Людвиг Четырнадцатый ещё сидел в норе, а до него всё доносился злорадный хохот брата.

«Ничего, – думал он, – папа Ларссон, Лабан и все другие ещё узнают, что я их вовсе не обманывал. Но Максимилиана в любом случае нельзя считать своим другом, для игр он вообще не годится», – продолжал размышлять, бредя по дороге, Людвиг Четырнадцатый.

И вдруг он остановился.

Пускай Максимилиан не захотел быть ему другом, но ведь там, во дворе, жили ещё и другие. Там была Тутта Карлссон! После всего, что случилось вчера вечером, он совсем забыл про неё.

– Прoberусь-ка я опять в курятник, – бормотал про себя Людвиг. – Дорогу я помню, привидений на клубничном поле больше не боюсь. Опасен только Максимилиан, но с ним я как-нибудь разберусь.

Он трусцой бежал по лесной тропинке и напевал:

– Бежит по льду лисичка,
Сейчас поймает птичку.

Это была старая детская песенка, он её слышал от своего отца, а тот – от людей, которые любили под неё танцевать на рождественских праздниках. Песня была, правда, не совсем подходящая, потому что стояла середина лета и бежал он не по льду, а по тропинке. К тому же Людвиг не знал её всю, только начало.

– Бежит по льду лисичка,
Сейчас поймает птичку.

С песней всё равно было легче. Он добрался до канавы, где вчера встретился с Туттой Карлссон. За кана-

вой возвышалась изгородь. Людвиг Четырнадцатый прополз между прутьями и припустил дальше, к овсяному полю.

Он благополучно миновал поле, добежал до огорода. А дальше лучше было ползти на животе, чтобы люди его не заметили.

Людвиг Четырнадцатый заранее радовался, что сейчас встретится с Туттой Карлссон.

– Бежит по льду лисичка,
Сейчас поймает птичку, –

продолжал он напевать свою песенку, повторяя те же первые строчки.

За клубничными грядками он увидел фигуру. Она ему показалась знакомой.

«Эти пугала и вправду похожи на человека, – подумал он. – Но теперь я не дам себя обмануть».

И Людвиг Четырнадцатый беззаботно пополз дальше. Он опять собрался было напевать ту же песенку, но передумал.

«Лучше я придумаю сейчас что-нибудь про пугало! – решил он. – Про то, как они смешно стоят, хорошо, что не ходят».

Людвиг приподнялся на задних лапах, изображая из себя пугало с растопыренными руками, и начал:

– Ах ты, пугало-страшила,
Покажи мне свою силу...

И вдруг перестал петь, потому что фигура оказалась совсем близко и он смог её как следует разглядеть.

Внизу у этой фигуры были коричневые сапоги.

Над ними Людвиг Четырнадцатый увидел коричневые штаны, зелёную куртку и на самом верху шляпу.

А под шляпой настоящие глаза, нос, рот и уши.

От растерянности он даже рот разинул. Как такое могло получиться?

В прошлый раз фигура была не такая: без сапог, в старой, рваной одежке, а главное, без глаз, носа, рта, ушей.

И только тут до Людвиг Четырнадцатого наконец дошло. Это было никакое не пугало.

ЭТО БЫЛ ТОТ ЖЕ САМЫЙ ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЕМУ ВСТРЕТИЛСЯ ВОЗЛЕ КУРЯТНИКА!

Людвиг Четырнадцатый кинулся убегать — но опоздал. Человек уже ловко схватил его.

— А-тот-самый-плутишка!

Людвиг Четырнадцатый почувствовал, как его поднимают в воздух. Так высоко он ещё никогда не оказывался, даже когда взбирался на покрытый мхом камень у выхода из норы. Человек держал его за загривок. Это было не самое приятное ощущение. Людвиг жалобно заскулил, ему хотелось назад, на землю.

— Это-кажется-ты-навещал-наш-курятник? — спросил человеческий голос.

«Научился бы человек хоть говорить понятно, — подумал Людвиг. — Какое-то сплошное длинное слово, ничего не разобрать».

И снова заскулил, желая подтвердить, что да, это он был в курятнике.

— На-вид-не-такой-уж-опасный, — продолжал человек. — Наоборот-кажешься-довольно-симпатичной-лисичкой. Пожалуй-ты-понравишься-моим-детям.

Человек взял Людвиг под мышки, понёс его во двор и там посадил в ящик, сделанный из проволочной сетки.

– Теперь-ты-будешь-жить-здесь! – сказал он и тщательно, на два оборота, закрыл ключом замок. – Марлотты-и-Петера-сейчас-нет-дома-но-скоро-они-придут.

«Какое смешное имя для человеческого детёныша, – подумал в тоске Людвиг. – Марлоттаипетер».

(Правда, немного погодя, когда нашлось время лучше подумать, он догадался, что имелись в виду двое детей, каждый со своим именем: Марлотта и Петер.)

– Максимилиан-иди-ка-сюда! – продолжал кричать человеческий голос. – Посмотри-кого-я-поймал. Вчера-он-тебя-сумел-одурачить-а-сегодня-я-поймал-его-голыми-руками. Этот-хитрец-Ларссон-будет-неплохой-игрушкой-для-моих-детей.

В других обстоятельствах Людвиг Четырнадцатый мог бы порадоваться, услышав, что его уже третий раз называют хитрецом. Но сейчас ему совершенно не хотелось стать забавой для детей человека. Ему хотелось домой, в лес.

Максимилиан оставался возле клетки, когда его хозяин ушёл.

– Ну что, разве я тебя не предупреждал, чтоб ты держался подальше? – пролаял он.

– Ты бы меня освободил, – всхлипнул Людвиг Четырнадцатый. – А я, честное слово, клянусь, что никогда больше сюда не вернусь.

– Нет, хватит, мы больше с тобой не друзья, – ответил пёс и сердито оскалился. – Я не доверяю лисицам: они мастера обманывать.

– Только не я, – заверил Людвиг Четырнадцатый. – Ты же меня знаешь, я не умею хитрить.

– Ты – не умеешь? А кто забрался в мою будку? – заворчал Максимилиан. – Ты самый хитрый лис, которого я в своей жизни встречал. Хитрей даже собственного папочки.

Максимилиан обошёл клетку вокруг, засунул нос между проволочных прутьев, понюхал.

– Что ж, посмотрим, хватит ли у тебя хитрости и ума, чтобы спасти свою рыжую шубку. Мой нюх подсказывает, что из этой клетки выбраться трудно-вато. Э-хе-хе, мне даже незачем тебя сторожить. Приятных тебе впечатлений и будь здоров!

Сказав это, Максимилиан удалился, гордо подняв хвост.

Людвиг остался один.

Он тут же начал искать лазейку, через которую можно пробраться, но вокруг была только проволочная сетка. Тогда он попытался откусить замок, но лишь взвыл от боли.

– Нет, ничего у меня не получится, – загрустил Людвиг Четырнадцатый. – Ах, как мне сейчас не хватает хитрости!

Он в тоске положил голову на передние лапы и замер так надолго.

– Эй, кто это забрался в мою клетку? – внезапно раздался чей-то голос.

За проволочной сеткой стояла Тутта Карлссон.

– Угадай с трёх раз, – фыркнул Людвиг Четырнадцатый. – Ты что думаешь, я здесь играю в прятки или в казаки-разбойники?

– Но как ты сюда попал? – удивилась Тутта, не обращая внимания на его сердитый тон. – Здесь же висит замок, и он закрыт.

– Его повесили и закрыли, когда меня засунули сюда, – сказал Людвиг сердито. – Если тебе это ин-

тересно: меня поймал человек. Он хочет сделать меня игрушкой для своих детей.

– Ах, как же ты оказался таким глупым и позволил себя поймать? – расстроилась Тутта Карлссон.

Людвиг Четырнадцатый ответил не сразу.

– Я принял человека за пугало, – объяснил он. Ему самому было очень стыдно.

Но Тутта Карлссон весело рассмеялась.

– Теперь я, пожалуй, могу поверить, что ты действительно говоришь правду, ты не такой хитрец, как другие лисицы. Ничего себе, принять живого человека за воронье пугало! Не могу себе даже представить.

Тут Людвиг Четырнадцатый расплакался.

– Перестань плакать! – велела Тутта.

– Я хочу домой, – всхлипывал Людвиг Четырнадцатый. – Я не хочу играть ни с какими детьми.

В это время слышались шаги, и к клетке приблизился человек, который поймал Людвигу.

– Ты-можешь-не-бояться-мой-цыплёночек, – засмеялся человек, увидев Тутту. – Лис-не-сможет-выбраться-из-клетки-еда-у-него-будет-но-если-он-хочет-цыплячье-жаркое-его-он-никогда-не-получит.

И с этими словами человек просунул между прутьев клетки миску с костями и мясом.

– Ты что, в самом деле, как сейчас сказал хозяин, собрался сюда, чтобы поесть цыплячье жаркое? – в тревоге спросила Тутта Карлссон, переминаясь с лапки на лапку.

Людвиг Четырнадцатый энергично замотал головой.

– Нет же, нет. Я пришел, чтобы поиграть с тобой, – стал рассказывать он. – Если бы человек не пришёл раньше тебя, всё было бы не так.

– Ах, бедный Людвиг, – пропищала Тутта Карлссон. – Выходит, это моя вина, что ты сидишь в этой клетке. Не грусти. Я обещаю тебе сделать всё, чтобы ты смог отсюда выбраться. Только потерпи ещё немножко.

И Тутта Карлссон исчезла. А Людвиг Четырнадцатый остался один в птичьей клетке.

Глава девятая

Всё утро Людвиг Четырнадцатый, покинутый и одинокий, лежал в птичьей клетке и тосковал.

Но после полудня он оживился. Потому что вернулись Петер и Марлотта, которые гостили у бабушки. Они узнали, кого поймал их отец, и радостно закричали:

– Ах-какой-у-нас-милашка!

Марлотта даже попробовала погладить лисёнка.

«Никакой я не милашка», – подумал Людвиг и попробовал тяпнуть её за руку.

– Можно-мы-сегодня-на-ночь-возьмём-его-к-себе-в-комнату? – попросил Петер. – Он-будет-спать-в-кукольной-кроватьке-Марлотты?

«Лучше полежите там сами, – возмутился Людвиг. Он злился всё больше. – Лисёнок в кукольной кровати, гадость какая!»

Хорошо, что и отец этих детей думал так же.

– Правильней-всего-лисе-будет-оставаться-в-своей-клетке, – уверил он. – Лесные-звери-неважно-себя-чувствуют-с-человеком-дома.

С этим Людвиг Четырнадцатый мог только согласиться.

– Надо-ему-дать-какое-нибудь-имя, – сказал Петер.

«У меня уже есть одно имя, только вам его не угадать», – приуныл Людвиг.

– Может-быть-Рыжик? – предложила Марлотта. – По-моему-очень-мило.

«Придумают тоже, Рыжик! – Людвиг Четырнадцатый ухмыльнулся. Его пасть ослабилась так широко, что стали видны зубы. Это имя слишком обычное, его уже пробовали так назвать. – Нет, Людвиг в тысячу раз лучше».

Но сказать им об этом он всё равно не мог.

– Краснохвост, – посоветовал отец.

Людвиг Четырнадцатый заворчал. Ему уже надоели эти глупые догадки. Пусть останется Людвиг, и всё.

– До-утра-ещё-придумаем-какое-нибудь-подходящее-имя, – не унималась Марлотта.

«Ничего себе, ещё ждать до утра!»

Людвиг Четырнадцатый почувствовал, что нос у него стал сухим и горячим. Ему сегодня же вечером нужно быть дома! Не то папа Ларссон совсем рассердится.

– А-что-если-мы-наденем-лисёнку-ошейник-Максимилиана-и-погуляем-с-ним-на-поводке? – предложила Марлотта.

При этих словах Людвиг опять приободрился. Появилась надежда, что во время прогулки удастся улизнуть.

– Давайте, – разрешил отец. – Только-будьте-осторожны. Лис-может-укусить.

Людвиг Четырнадцатый подумал, что пока лучше держаться послушно, и терпеливо позволил надеть на себя ошейник таксы. А потом так же терпеливо пошёл за детьми.

Всё это видел Максимилиан из своей будки.

– Завидуешь-что-мы-завели-себе-нового-зверька? – поддразнил его Петер.

Пёс сердито залаял в ответ.

В душе Людвиг Четырнадцатый надеялся, что после прогулки дети забудут закрыть его клетку на замок. Но тут он ошибся. Дети тщательно заперли дверь, повесили на неё замок и проверили, хорошо ли он держится. Выбраться из-под такого замка лисёнок никак не мог.

– Теперь-никуда-не-убежишь, – погрозила ему пальцем Марлотта. – Уже-вечер-мы-пойдём-спать-а-завтра-утром-тебя-опять-навестим.

«Завтра утром я уже буду в лесу, – упрямо подумал Людвиг. – Только бы найти способ улизнуть. Может, Тутта Карлссон сумеет что-то сделать».

Люди в доме поужинали, потом хозяйка вынесла большую миску с едой. Говорила она медленно и разборчиво, так что Людвиг её хорошо понимал, хотя все слова всё равно казались ему одним большим словом.

– Милости-просим-подай-ужин-для-нашего-нового-гостя, – сказала она. – Дети-очень-хотели-чтоб-тебе-достались-самые-лучшие-куски-обычно-их-получает-Максимилиан.

Людвиг Четырнадцатый сразу почувствовал, как ужасно он голоден. Его зубы уже готовы были вон-

зиться в кусок аппетитного мяса, когда в кустах возле клетки кто-то запищал.

– Привет, это я, – слышался тоненький голосок.

Людвиг Четырнадцатый сразу узнал голос Тутты. Она осторожно выглянула из-за куста.

– Не ешь лучших кусков, – предупредила она.

– Они отравлены? – ужаснулся Людвиг. – А мне показалось, они пахнут неплохо.

Тутта Карлссон выбралась из своего укрытия.

– Максимилиан на тебя очень зол, – объяснила она. – Дети стали заботиться о тебе больше, чем о нём. Они даже сняли с него ошейник и отдали тебе. Они ходили с тобой гулять. А теперь ещё и самое плохое: ты получил самые хорошие куски!

– А что я могу поделать? – возразил Людвиг. – Пусть Максимилиан меньше злится на детей.

– Для тебя всё-таки будет лучше, если самые вкусные куски ты оставишь ему, – попыталась убедить Тутта Карлссон.

Людвиг Четырнадцатый удивлённо заморгал.

– Я же сам так сильно проголодался, – проговорил он. – Лучше бы ты мне посочувствовала. Смотри, в каком меня заперли ящике. Максимилиану-то хорошо, он может бегать по двору, сколько захочет.

– И всё-таки я бы тебе посоветовала: оставь лучшие куски Максимилиану, – повторила настойчиво Тутта Карлссон. – Послушай-ка, что я тебе скажу.

Она подошла к лисёнку и что-то прошептала ему на ухо. Людвиг Четырнадцатый наконец понял.

– Ты почти такая же хитрая, как лиса, – восхищённо похвалил он.

– Даже хитрей, – ответила Тутта. – Я ведь не приняла птичье пугало за привидение, а человека за пу-

гало. Ладно, не стану тебя лишний раз огорчать. Спрячусь-ка я опять в кустах, подожду, пока придёт Максимилиан.

Ждать им пришлось недолго. Солнце склонилось к закату, и стало понемногу смеркаться, когда возле клетки появился Максимилиан.

— Всё в порядке? — проворчал он. — Сегодня вечером я смогу спокойно заснуть. Ты хорошо заперт.

— Разве ты не голоден? — вкрадчиво, мягким голосом спросил Людвиг Четырнадцатый.

Пёс озадаченно уставился на лисёнка и сказал, скаля зубы:

— Ещё спрашиваешь! Дети отдали тебе лучшие куски, раньше они доставались мне.

— Знаю, знаю, — отвечал Людвиг Четырнадцатый и изобразил глубокое огорчение. — Потому я и приберёг для тебя самые вкусные. Вот, видишь миску?

Я вовсе не хочу, чтобы кто-то из-за меня голодал. Я ждал тебя, мозговые косточки для тебя оставил.

Максимилиан не спеша приблизился.

А ведь действительно, лисёнок сегодня, похоже, говорил правду. В миске лежали замечательные куски мяса.

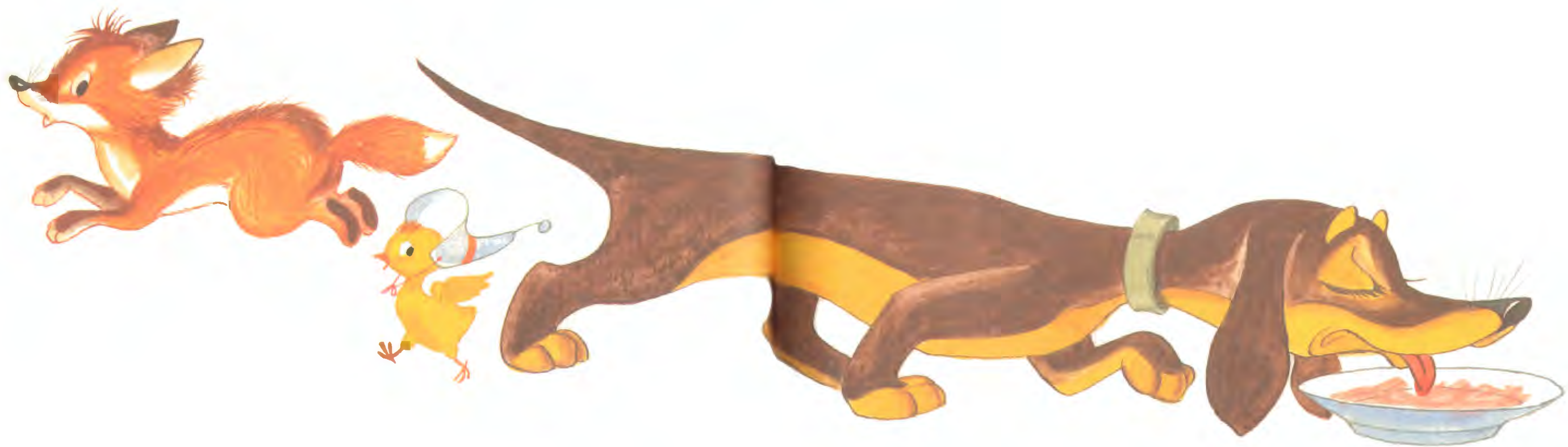
Максимилиан облизнулся с аппетитом.

— Милости прошу, это всё тебе, — пригласил Людвиг Четырнадцатый. — Добро пожаловать, будь как дома. В прошлый раз ты угощал меня ужином, сегодня моя очередь.

Максимилиан все ещё недоверчиво переминался с лапы на лапу.

— Ты это всерьёз? — спросил он осторожно. — Не собираешься ли меня обмануть?

— Разве может маленький лисёнок обмануть большую хитрую таксу? — возразил Людвиг Четырнадцатый.

Максимилиан засмеялся польщённо. Стоило ли воображать себе всякие глупости? Действительно, было дело, лисёнок сумел однажды проявить хитрость. Но чтобы одурачить старого Максимилиана второй раз? Могло же такое прийти в голову! Нет, это невозможно.

Он стал дёргать висячий замок, пока не сорвал его, и вполз в клетку.

— Располагайся у миски как у себя дома, — любезно сказал Людвиг Четырнадцатый.

Голос его звучал спокойно, но сердце бешено колотилось.

Счёт шёл на секунды.

— Благодарю, благодарю, тронут, — вежливо бормотал Максимилиан. — Сочная косточка с остатками мяса на ней в такой поздний вечерний час — как раз то, что я люблю.

С этими словами он подполз к миске, и в тот же момент — р-раз! — Людвиг Четырнадцатый выскочил из клетки и захлопнул за собой дверь. Тутта Карлссон выпорхнула из кустов. Совместными усилиями им удалось снова закрыть дверь на замок.

— Эй, вы, что вы там делаете? — завыл из клетки Максимилиан. — Я не собираюсь сидеть в ящике для цыплят. Выпустите меня сейчас же!

— Самое время поесть! — смеялся Людвиг Четырнадцатый. — Прошу меня извинить за то, что не могу составить тебе компанию. Мне надо срочно быть дома. Могу ли я передать привет папе от хитрого Максимилиана?

— Замолчи! — скулил пёс. — Ну погоди, я тебя ещё поймаю! У-у-у, до чего же я зол!

Людвиг Четырнадцатый проводил Тутту Карлссон до курятника.

– Тысячу, миллион раз спасибо тебе, ты мне так помогла, – сказал он.

– Не стоит благодарности, – ответила Тутта и потупила взгляд. – Ведь это из-за меня ты попал в такую переделку.

Да, ведь Людвиг Четырнадцатый уже совсем забыл, зачем сюда явился. Он ведь собирался поиграть с Туттой Карлссон!

– Сегодня у нас это уже не получится, – понял он. – Но мы ведь ещё будем встречаться?

– С удовольствием, – пропищала Тутта. – Только на этом дворе тебе лучше теперь не появляться. Боюсь, Максимилиан захочет поговорить с тобой очень серьёзно.

– Но мы могли бы играть внизу, возле изгороди, в том месте, где столкнулись в первый раз, – предложил Людвиг.

Это предложение Тутте понравилось. Прежде чем вернуться в свой курятник, где её ждали братья, сестрички и множество прочих родственников, она договорилась увидеться с лисёнком уже завтра.

А Людвиг во весь дух припустил домой. Уже наступила совсем тёмная ночь. Папа Ларссон, наверно, был весьма сердит.

Так оно и оказалось. Когда Людвиг вошёл в гостиную, папа сидел в своём кресле. Он вынул из кармана жилетки часы и взглядом указал на стрелки.

– Не слишком ты рано, – проворчал он. – Вообще-то лисы любят охотиться ночью, но ты ещё ребёнок, ты в это время должен уже спать.

– Со мной сегодня столько всякого произошло, – начал было объяснять Людвиг Четырнадцатый.

– Ну да, – усмехнулся папа Ларссон. – Ты, наверное, встретил моего старого друга Максимилиана?

– Его тоже, но не только его. – Людвиг был рад, что отец понемногу перестаёт сердиться. – Сначала меня поймал человек, он посадил меня в клетку для цыплят, хотел сделать меня игрушкой для своих детей, но мы с Туттой Карлссон перехитрили Максимилиана и...

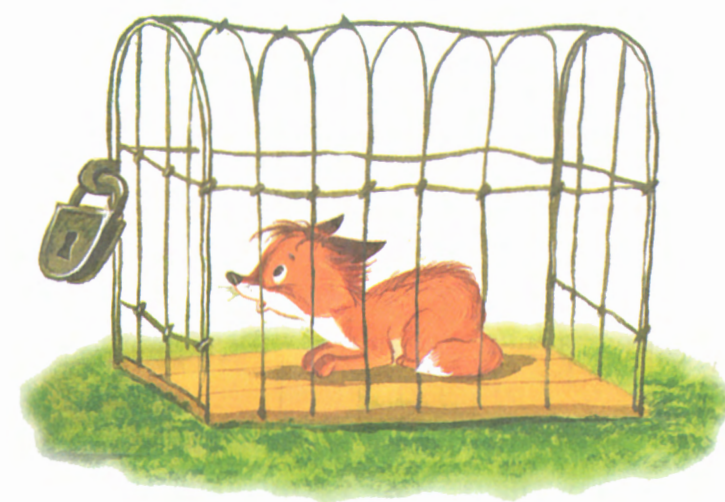
– Знаешь что, малыш, – остановил его папа. – Мне кажется, ты с некоторых пор стал видеть слишком много снов.

У Людвига опустился хвост.

– Ты прав, папа, – согласился он печально.

– Ну и славно. Ведь все эти истории тебе просто приснились, – примирительно сказал папа Ларссон. – Иди, сынок, ложись, спокойной тебе ночи.

Он уже совсем не сердился.

Глава десятая

Людвиг Четырнадцатый и Тутта Карлссон начали встречаться на поляне возле забора.

Конечно, вместе выглядели они странно: лисёнок и маленький цыплёнок, но им было друг с другом хорошо. Они без конца придумывали всё новые весёлые игры, и это доставляло им удовольствие.

Больше всего им нравилось играть в школу. Один из них садился на большой пенёк и был учителем. Другой сидел на корточках в траве, изображая ученика.

Людвиг Четырнадцатый учил Тутту Карлссон всему, что узнал от своего старшего брата Лабана: как назы-

ваются разные лесные растения, какие ягоды можно есть, а какие нельзя, чтобы не заболел живот. Например, он показывал ей красивый гриб с красной шляпкой и белыми пятнышками на ней и объяснял, что этот гриб называется мухомор, он очень ядовит.

А ещё Людвиг учил Тутту по следам на земле узнавать, какие прошли звери.

Тутта Карлссон в ответ рассказывала своему другу о домашних животных на своём дворе, о растениях, которые люди выращивают в саду и которые можно есть. А ещё о том, как быть осторожным с людьми, чтобы они тебя не поймали.

— Обещай мне, что ты никогда не заберёшься в наш курятник, чтобы унести нас к себе в нору, — просила она испуганно. — Нам все говорят, что для вас, лисиц, куриное жаркое — лучшее лакомство.

— Никто из нашей семьи не залезет к вам и не станет никого похищать, — торжественно соглашался он. — Но и ты обещай мне, что будешь предупреждать, когда люди задумают охотиться на нас.

Тутта Карлссон обещала это охотно.

Каждый раз, когда Людвиг Четырнадцатый договаривался о встрече с Туттой, он выходил из норы совсем рано утром и возвращался уже поздно вечером.

— Чем ты занимаешься целый день? — поинтересовался как-то папа Ларссон.

— Ну, я играю с одним другом, — отвечал Людвиг. — И довольно многому у него научился, — добавил он.

— Приятно слышать, — одобрил отец. — А как зовут этого твоего приятеля?

— Тутта Карлссон, — произнёс Людвиг Четырнадцатый. Он надеялся, что отцу этого будет достаточно и он не станет расспрашивать дальше.

Ведь он конечно же догадывался, что отец не очень обрадуется, когда узнает, что его сынок играет с цыплёнком.

– Тутта Карлссон? – повторил задумчиво Ларссон. Имя было ему незнакомо. – Значит, это у тебя не друг, а подружка. Приведи её как-нибудь к нам. Буду рад познакомиться.

– Не уверен, что она этого захочет, – сказал Людвиг и поскорей выскользнул за дверь, чтобы не пришлось отвечать на более трудные вопросы.

Но папа Ларссон был не так прост, чтобы этим довольствоваться.

Он остался сидеть в своём кресле и продолжал размышлять.

Тутта Карлссон! Никогда он такого имени не слышал, а он ведь знал, можно сказать, всех обитателей своего леса.

На другое утро папа Ларссон подозвал к себе старшего сына, Лабана.

– Ну, каким хитростям ты за это время научил Людвига? – спросил он.

– Мы с ним теперь мало общаемся, – помедлив, ответил Лабан. – Но я по крайней мере знаю, что и с другими зверятами в лесу он не играет.

На лбу у папы Ларссона появились морщины озабоченности.

– Ты знаешь Тутту Карлссон?

Лабан отрицательно покачал головой.

Отец почесал лапой загривок. Это значило, что он очень, очень задумался.

Он вдруг наконец вспомнил, что рассказывал ему Людвиг Четырнадцатый несколько дней назад: про таксу Максимилиана, про курятник, про человека...

«Возможно, сынок это всё просто сочинил, – пробормотал про себя старший Ларссон, – но, может...»

А вслух он сказал Лабану:

– Выясни-ка, кто такая эта Тутта Карлссон. Завтра утром проследи за Людвигом, узнай, где он каждый день пропадает.

На другое утро Людвиг, как обычно, заспешил на встречу с Туттой. Он не заметил, что позади него то за одним кустом, то за другим мелькает что-то рыжее. Это рыжее, как тень, всё время следовало за ним.

Конечно же это был хитрец Лабан, которому отец поручил разузнать секрет младшего брата.

Тутта Карлссон уже ожидала приятеля на поляне.

– Давай поиграем в прятки, – предложил Людвиг Четырнадцатый. – Ты лучше меня считаешь, поэтому первым прятаться буду я.

Тутта Карлссон согласилась и начала громко считать:

– Двадцать пять, двадцать шесть, двадцать семь, двадцать восемь, двадцать девять, двадцать десять, двадцать одиннадцать, двадцать двенадцать, я иду искать.

И она пошла искать. За одним кустом она заметила что-то очень похожее на лисий хвост.

– Людвиг, я тебя пи-пи нашла! – закричала она и от радости захлопала крылышками. – Выходи, я тебя вижу!

– Обознатушки! – закричал Людвиг совсем с другой стороны. – Ты не могла меня видеть!

– Странно, – смутилась Тутта, заприметив, как Людвиг выходит из своего укрытия. – Честное слово, я вот за тем кустом видела лисий хвост.

– Ну и ошиблась, – засмеялся Людвиг. – Там была, наверно, брусника, или ягоды рябины упали за землю. Обознатушки-перепятушки!

На самом-то деле Тутта Карлссон вовсе не обозналась. За тем кустом действительно мелькнул лисий хвост – хвост Лабана. Он подсматривал, как его младший братец играет с цыплёнком.

Его тёмно-коричневые глаза округлились от удивления.

– Мне надо заказать себе очки! – воскликнул он и заморгал. – Не могу поверить своим глазам. Что скажет на это папочка?

Во весь дух, как будто его пришпорили, он помчался домой и пулей влетел в гостиную.

– Кошмарный ужас... то есть ужасный кошмар, – после сумасшедшего бега он никак не мог перевести дух. – Тутта Четырнадцатая – это лис Лабан. То есть нет, не так! Людвиг – это Карлссон Четырнадцатый...

Папа Ларссон поскорей заткнул сыну рот морковкой.

– Пожуй и успокойся, – велел он. – А потом расскажешь, что такого страшного ты увидел.

Лабан послушно откусил морковь, пожевал и стал рассказывать по порядку, какие странные вещи творятся на поляне возле изгороди.

Он, конечно, хотел, чтобы папа Ларссон по-настоящему рассердился на Людвига Четырнадцатого. Но, к его удивлению, папа так и расхохотался, держась за живот.

– Ты на него не зол? – растерянно спросил Лабан. – Тебе кажется нормальным, когда член нашей семьи играет с цыплёнком? Вместо того чтобы оставаться дома и обучаться полезным проделкам? Тебе перед всей роднёй за него будет стыдно, папа. Что скажет наш прадедуська?

– Я уверен, он тоже будет смеяться, – ответил отец. – Неужели ты продолжаешь думать, что наш

Людвиг не хитрая шельма? А я-то считал, что ему привиделось что-то во сне. На самом деле то, что он нам рассказывал, было чистой правдой.

– У меня такое чувство, что я сам слышу тебя во сне, – потрясённо проговорил Лабан. – Какая же хитрость в том, чтобы играть с цыплёнком?

– Очень даже большая хитрость, – серьёзно ответил отец. – Ты не можешь представить себе, какую пользу может нам принести его новое знакомство.

Но до Лабана всё ещё не доходило.

– Людвиг нашёл для нас самый простой путь в курятник, – объяснил папа Ларссон. – Мы теперь сможем без труда проникнуть туда и раздобыть для себя сколько угодно еды.

Отец говорил, посмеиваясь про себя.

– Ах, этот Людвиг, ну и Людвиг! – повторял он. – Подружиться с цыплёнком! Даже я в его возрасте не был таким хитрым.

– Но Людвиг сказал, он никогда не станет добывать пропитание у людей, – всё ещё возмущался Лабан. – Это позор для семьи, что он играет с цыплёнком!

– Тихо, он идёт, – прошипел папа Ларссон.

Лабан зря надеялся, что отец сразу станет ругать своего непутёвого сына. Наоборот, он посмотрел на Людвига дружелюбно и спросил:

– Ты сегодня, наверно, опять встречался со своей подружкой Туттой Карлссон? Опять играл с ней?

– Ага, – ответил Людвиг. – Было очень здорово.

Папа Ларссон подмигнул своему младшему сыну:

– Помнишь, я тебе говорил, что хорошо бы эту подружку пригласить к нам в гости. – При этих словах он почему-то аппетитно облизнулся. – А может, у неё есть ещё братья, сёстры, какие-нибудь родственники?

Разве не стоило бы их взять с собой? Как ты считаешь, Лабан?

— Ещё бы, как же, — пробормотал тот, уставившись в пол.

Людвиг Четырнадцатый задумчиво перевёл взгляд с папы на брата. Неужели они узнали, что Тутта Карлссон цыплёнок?

— Ну, что ты скажешь? — повторил отец. — Передай своей Тутте, что мы приглашаем к себе всю их семью. Устроим вместе замечательный праздник.

— Не знаю, — в сомнении ответил Людвиг Четырнадцатый. — Тутта Карлссон очень робкая, она побоится идти сюда.

— Разве мы такие уж страшные? — ухмыльнулся папа Ларссон. — В общем, скажи, что мы приглашаем их на обед. В любой день, когда им захочется.

Людвиг Четырнадцатый насторожился. Что-то в словах отца ему не нравилось, что-то вызывало у него беспокойство.

— Ну да, пусть придут, я тоже заранее предвкушаю эту встречу, — сказал Лабан и облизнулся. — Твоя подруга очень неплохо выглядит.

Тут Людвиг Четырнадцатый наострил уши.

— Ты что, видел Тутту Карлссон? — спросил он.

— Видел... нет... ну, как сказать. — Лабан стал вертеться, он не знал, как ответить. — Я просто имел в виду, что она, должно быть, очень симпатичная. Всё-таки твоя лучшая подруга, мой милый братец.

Людвиг окончательно понял, что Лабан врёт.

— Пойду-ка я в нашу комнату, — сказал он, — поиграю перед ужином ещё немного.

Людвиг улёгся на свою постель из еловых веток и стал размышлять.

Значит, его секрет действительно раскрыт. Раз уж Лабан и папа знают, что Тутта цыплёнок.

Но как они об этом узнали?

И тут Людвиг Четырнадцатый вспомнил, как во время игры в прятки Тутта увидела рыжий хвост и решила, что это хвост его, Людвига. Конечно же это Лабан спрятался там и подсматривал за ними.

Людвиг Четырнадцатый прикусил себе кончик хвоста. Что же теперь делать?..

Глава одиннадцатая

Людвиг Четырнадцатый прислушался.

Папа Ларссон и Лабан оставались в гостиной. Оттуда доносилось неясное перешёптывание. Но Людвигу совершенно отчётливо слышалось имя Тутты Карлссон.

Он соскользнул со своей постели и встал за дверью, сделанной из старого ржавого противня.

– Неужели ты веришь, папа, что Людвиг приведёт Тутту Карлссон к нам в нору? – спрашивал Лабан.

– Нет, этого я не думаю. – Отец засмеялся. – Но, если цыплёнок не придёт к нам, мы же можем пожаловать к нему.

Людвиг Четырнадцатый даже икнул от страха. Он прекрасно понял, что имел в виду папа.

А тот опять добродушно засмеялся:

— По-моему, неплохо было бы отправиться в курятник, чтобы навестить Тутту Карлссон и всё её семейство. Да хоть прямо сегодня вечером, почему нет! Я ужасно проголодался.

Людвиг Четырнадцатый чуть не вскрикнул. Как папа мог говорить такое!

— Нет, у меня есть предложение получше, — сказал Лабан. — Я пойду в курятник один.

— Хватит ли у тебя для этого хитрости? — засомневался папа Ларссон. — Ты же знаешь, там во дворе злая собака, а у человека есть ружьё. Это дело довольно опасное.

— Подумаешь, — беззаботно возразил Лабан. — Если даже у Людвиг Четырнадцатого хватило смелости, уж я-то тем более справлюсь.

Папа Ларссон задумался.

— Ну что ж, — сказал он помедлив. — Только бы ты не наделал глупостей. Ложись-ка немного поспать. Когда совсем стемнеет, ты сможешь пробраться во двор.

— Хорошо! — воскликнул Лабан и толчком распахнул дверь. Людвиг Четырнадцатый даже не успел от неё отойти. Дверь стукнула его по голове так сильно, что он едва удержался на ногах.

Лабан взглянул на него подозрительно:

— Ты что, подслушивал тут наш с папой разговор?

— Не пойму, о чём ты, — ответил ему брат и зевнул. — Я только что проснулся, собирался выйти во двор, а ты распахнул дверь как ненормальный. Можно подумать, где-то пожар.

– Маленькие дети не должны стоять у дверей, когда взрослые обсуждают свои дела, – важно проговорил Лабан. – Давай иди куда тебе надо. А я должен ещё малость вздремнуть. Этой ночью мне предстоит нешуточная работа.

Людвиг Четырнадцатый выбрался из норы, прилёг в мягкий мох и задумался.

Намечалось нехорошее дело, он уже понял. Надо было любыми способами помешать Лабану забраться в курятник.

Но как?

Людвиг Четырнадцатый думал, думал – и нашёл наконец единственное решение. Надо самому прямо сейчас бежать на тот двор и предупредить кур и цыплят о ночном визите. И хотя было ещё совсем светло и его могли заметить люди или Максимилиан, колебаться Людвиг Четырнадцатый не стал. Раз он обещал Тутте Карлссон защищать её семью от лис, значит, надо это обещание сдержать.

И он помчался по тропе через лес к изгороди, легко пересёк овсяное поле. Дальше пришлось ползти между клубничными грядками. Прятаться там было непросто. Людвиг Четырнадцатый полз очень медленно, всё время оглядываясь при этом по сторонам.

Оглядываясь-то он оглядывался, но птичье пугало перед собой не заметил и довольно сильно стукнулся головой о палку, на которую оно было насажено. Второй раз за этот вечер он набивал себе на лбу шишку.

Пугало от удара слегка наклонилось, с его головы что-то упало. Людвиг в испуге отскочил в сторону. Но ничего опасного не оказалось, с пугала просто свалилась шляпа.

Людвиг Четырнадцатый потёр лапой ушиб и двинулся дальше. Но клубничные грядки закончились: перед курятником лежало открытое место, спрятаться было негде.

Вот когда стало по-настоящему опасно.

До сих пор Людвигу везло. Во дворе было как будто спокойно.

И вдруг...

Дверь в доме людей открылась, из неё вышли Петер, Марлотта, а с ними Максимилиан.

Людвиг Четырнадцатый надеялся, что они просто вышли прогуляться и скоро уйдут. Но нет, они начали играть, носились по всему двору. Между грядок ни дети, ни собака увидеть его не могли, но попробуй он перебежать через двор, они бы тут же его обнаружили.

Шишка на лбу Людвиг Четырнадцатого ещё болела, набухая всё больше. Он снова потёр её лапой, стараясь что-то придумать.

«Ничего не получится, – жалобно причитал он про себя. – Мне до курятника не добраться. Будь я хотя бы не рыжим, а того же цвета, что песок на дворе, я бы на нём не выделялся. А так я слишком заметный. Хоть возвращайся назад ни с чем. Но скоро Лабан придёт сюда, а я не успею Тутту предупредить».

И Людвиг Четырнадцатый стал опять озираться вокруг. Вдруг взгляд его задержался на пугале.

– А что, если мне переодеться? – пробормотал он. Это была, пожалуй, идея.

Людвиг Четырнадцатый внезапно понял, что его может выручить: шляпа!

Шляпа, которая только что упала с пугала, почти такого же незаметного цвета, что и песок во дворе. Под ней можно укрыться.

«Да здравствую я! — похвалил себя Людвиг Четырнадцатый. — Правда же, я могу иногда быть по-настоящему хитрым».

Он ползком вернулся к пугалу, поднял с земли шляпу. Вот если бы залезть под неё!

Только бы оглядеться сначала как следует, чтобы попасть в курятник, а не в будку: из-под шляпы он бы уже ничего не увидел.

Людвиг постарался ужаться как только можно сильнее, и — кто бы мог ожидать? — сумел уместиться под шляпой.

— Тьфу, тьфу, тьфу, чтоб мне повезло, — трижды поплевал он на счастье.

Максимилиан первым заметил, как через двор к курятнику по земле бежит шляпа. Он тут же залаял.

— Замолчи! — прикрикнул на него Петер. — Вечером-нельзя-шуметь!

Но пёс залаял ещё громче, ещё сердитей.

— Да-что-с-тобой-такое? — из-под шляпы Людвиг услышал голос Марлотты. — Совсем расшумелся!

Но тут и Петер заметил необычную шляпу.

— Смотрите! — закричал он. — Шляпа-там-возле-курятника!

«Теперь я обнаружен», — испугался Людвиг Четырнадцатый.

— А-кто-её-снял-с-пугала? — не понимала Марлотта. — Папа-рассердится.

— Ты-что-не-видишь-она-бежит! — кричал Петер.

— Дурачок, — засмеялась Марлотта. — Шляпа-не-может-бежать.

— Смотри-сама! — не унимался Петер.

Марлотта тоже увидела это и немного испугалась.

— Какое-то колдовство... — пробормотала она.

А Максимилиан всё без умолку лаял.

— Давай-посмотрим-это-колдовство-поближе, — предложил Петер.

Людвиг Четырнадцатый понял, чем ему это грозило. Оставалось одно — добежать до курятника раньше, чем Петер и Марлотта его поймают. Но где он сейчас? Из-под шляпы ничего не видно. Помнится, где-то тут была лестница, а возле неё дыра, через которую можно проскользнуть внутрь.

На счастье, Людвиг всё рассчитал правильно. Он ввалился в курятник и вызвал ещё больший переполох, чем при первом своём появлении.

— Кука-рраул, живая шляпа! — раскудахтались куры. — Где ты, Кукарекун? На помощь!

Что говорить, шляпа, которая сама двигалась, показалась курицам привидением.

Людвиг Четырнадцатый поскорей скинул её с себя.

— Тихо, это всего лишь я! — закричал он как мог громко, иначе при таком шуме его не могли бы услышать.

— Людвиг Четырнадцатый! — запищала испуганно Тутта Карлссон и выбежала из угла, где успела спрятаться. — Ты зачем к нам явился?

— Я пришёл, чтобы вас предупредить. Сегодня вечером к вам хочет навеститься мой брат Лабан. Придумайте что-нибудь, чтобы он не причинил вам зла. Но и мне обещайте, что вы не попросите человека или Максимилиана его убивать. Лабан всё-таки мой брат.

Тутта не успела ему ничего ответить. Со двора снова слышались голоса.

— Шляпа-убежала-туда-к-птицам, — говорил голос Петера.

– Что-за-взор, – отвечал отец. – Шляпа-не-может-бегать. Сейчас-мы-откроем-дверь-и-посмотрим.

Людвиг Четырнадцатый понял, что здесь нельзя больше оставаться ни секунды.

– Пожалуйста, не дайте обидеть моего брата, – ещё раз попросил он. – Лабан вообще-то очень хороший.

Он едва успел выскользнуть через дыру в стене, прежде чем дверь курятника открылась и появились дети вместе с отцом.

Они увидели на полу шляпу пугала, но ничего больше. Людвиг Четырнадцатый успел только услышать из-за стены, как Петер сказал:

– Вот-видите-нам-не-показалось.

– Непонятное-дело, – отвечал отец. – А-что-скажешь-ты-Максимилиан?

Пёс только тявкнул ещё раз-другой. Поздно было объяснять что-нибудь людям. Сам-то он всё смекнул.

– Ну погоди, мы ещё с тобой встретимся! – только и мог процедить он сквозь зубы. – Ты ещё пожалеешь, хитрый лисёнок!

Глава двенадцатая

Людвиг Четырнадцатый успел домой как раз к ужину. Все братья и сёстры собрались вокруг Лабана, который стоял посредине гостиной и потягивался дурачась.

– Неплохо же я поспал.

– Зачем было спать днём? – удивился Леопольд. – Лучше бы прилёг вечером.

– Это малышам вроде вас надо ложиться в постельки пораньше, – ухмыльнулся Лабан. – Но мы большие, нам хочется приключений.

– Это каких ещё приключений? – спросила Лотта.

Лабан загадочно усмехнулся.

– Узнаешь завтра, – ответил он и подмигнул папе Ларссону.

– А ну-ка все в постель! – прикрикнула мама Ларссон. – На улице уже совсем темно.

Тринадцать маленьких лисят тут же скрылись в детской, а Лабан выскользнул из норы.

– Будь осторожней! – прокричал ему вслед отец.

– Я вернусь с победой, – похвастался Лабан. – Ты же знаешь, хитрей, чем я, нет лисёнка в лесу.

Людвиг Четырнадцатый ворочался в своей кровати и долго не мог заснуть.

«Только бы с Лабаном ничего не случилось, – всё время думал он. – Тутта Карлссон должна обо всём позаботиться».

Наконец ему всё-таки удалось заснуть. Проснулся он, когда в их норе поднялся жуткий переполох.

– Ваау-аау-аау, – выл чей-то голос, – я ранен, я ужасно, опасно ранен! Аа-аа-аа!

Это кричал Лабан, который только что вернулся домой.

Людвиг Четырнадцатый испугался. Что там придумала Тутта? Она же ему обещала, что ничего плохого с Лабаном не случится.

От криков Лабана проснулись и другие лисята. Людвиг Четырнадцатый распахнул дверь в гостиную, и все заглянули туда.

Это было и впрямь печальное зрелище. Лабан лежал на диване, который папа Ларссон соорудил из старого ящика, и выл. Мама Ларссон прижимала к себе его голову и пыталась успокоить.

А с другой стороны, у ног, стоял папа Ларссон и разглядывал непонятную штуку, прицепившуюся

к хвосту Лабана, к самому его кончику. Людвиг Четырнадцатый сразу догадался, что это такое, ведь Тутта Карлссон ему о таких вещах рассказывала.

ЭТО БЫЛА МЫШЕЛОВКА!

– Ох-ох-ох! – причитал Лабан. – У меня смертельная рана! Я истекаю кровью!

– Ничего с тобой не будет, – уверил папа Ларссон. – Если тебе больно, виноват ты сам. Считал себя самым хитрым лисёнком в лесу, а угодил в простую мышеловку. Расскажи, как это случилось.

– Я замечательно проскочил через овсяное поле, – начал слабым голосом Лабан, – прополз между клубничных грядок. Никто меня не заметил, вокруг никого не было. Оставалось только подняться по лестнице в курятник. И вдруг...

Тут Лабан замолчал.

– Что вдруг? – сердито спросил отец.

– До меня вдруг донёсся запах сыра, – ответил Лабан. – Ты же сам говорил, что сыр очень полезен. Мне захотелось хоть разок его попробовать.

– И ты полез прямо в ловушку, – вздохнул Ларссон.

– Нет, нет, не так прямо, я же всё-таки хитрый, – попробовал защититься Лабан. – Я решил не подходить к сыру, а пододвинуть его поближе к себе с помощью хвоста.

– Тут ловушка и захлопнулась, – закончил за него папа Ларссон.

Лабан кивнул и снова заревел во весь голос.

– Это было так больно, так больно! – жалобно стонал он. – Мне поневоле пришлось закричать. А куры тогда проснулись, начали кто кудахтать, кто кукарекать. Подняли на ноги человека, и Максимилиан проснулся. Что мне оставалось? Только одно: убежать как

можно быстрее, пусть с мышеловкой на хвосте. Этот пёс чуть меня не догнал.

— Бедный Лабан, — сказала мама, поглаживая его по спине. — Не простое дело первый раз наведаться в курятник.

— Да, надо меня пожалеть, — продолжал скулить Лабан. — Посмотрите, у меня кажется, оторвано полхвоста.

— Не плачь, сейчас я наложу тебе пластырь, — утешала его мама Ларссон. — До завтра всё заживёт.

Папа Ларссон наконец снял с хвоста мышеловку и поставил её на стол.

— Посмотрите, — обратился он к детям, которые сгрудились возле двери. — Я всегда вас предупреждал: берегитесь людей и собак. Спросите Лабана, приятно ли попасть в мышеловку.

Лабан поджал свой раненый хвост между задних лап и пристыженно проскользнул в детскую. А другие над ним хихикали.

— Хитрый Лабан совсем не хитрый, он просто растяпа, — вполголоса сказал кто-то.

Лабан зажал уши лапами, чтобы этого не слышать.

— Тише! — вмешался Людвиг Четырнадцатый. Он решил поддержать брата. — Тише, кому я говорю! Не слушай их, Лабан. Я вот считаю, что на самом деле ты вёл себя очень даже хитро.

— Что, хочешь надо мной ещё поиздеваться? — обиженно спросил Лабан.

— Вовсе нет, — заверил его Людвиг. — Я говорю всерьёз: ты проявил настоящую хитрость. Если бы ты не попробовал пододвинуть к себе сыр хвостом, тебе защемило бы нос. Это было бы куда хуже...

Утром папа Ларссон опять сидел в своём кресле и продолжал размышлять, как такое с Лабаном могло

случиться. Что-то во всём этом было странное. Никогда ещё в жизни ему не приходилось слышать, чтобы люди ставили мышеловки там, где обычно гуляют куры.

Кто-то наверняка предупредил их, что этой ночью в курятник могут пожаловать гости.

Кто же это мог быть?

И тут он вспомнил, что незадолго перед Лабаном из дома отлучался Людвиг Четырнадцатый.

Надо было, конечно, поговорить обо всём этом с младшим сыном.

И папа Ларссон позвал к себе Людвига.

— Где ты был вчера вечером? — спросил он его. — Тебя долго не было дома.

Людвиг Четырнадцатый сначала смущённо отвернулся, потом наконец сказал:

— Я просто гулял.

Папа внимательно посмотрел на него.

— Прогулялся, может, к курятнику?

Людвиг Четырнадцатый с убитым видом кивнул.

— Так, значит, от тебя Тутта Карлссон и все куры узнали, что к ним собирается Лабан? — продолжал свой допрос Ларссон.

Людвиг Четырнадцатый снова кивнул.

У старого лиса шерсть поднялась дыбом.

— Но как ты сумел добраться до курятника? — спросил он. — Было ещё светло, тебя каждый мог заметить.

Тогда Людвигу Четырнадцатому пришлось рассказать, как он накрыл себя шляпой пугала, чтобы под ней проскользнуть в курятник.

Он стоял с опущенной головой и говорил не поднимая глаз:

– Ты, наверно, очень на меня сердишься? Но я ведь попросил кур не делать Лабану ничего плохого. Я же не знал, что они надумают сотворить такое с мышеловкой.

Отец ничего не ответил. Наконец Людвиг Четырнадцатый отважился взглянуть на него.

Вот чего он действительно не ожидал: папа Ларссон сидел в своём кресле и хохотал.

– Значит, ты не сердишься? – снова с облегчением спросил Людвиг.

– Вообще-то я на тебя должен быть очень, очень сердит, – всё продолжал хохотать отец. – Но понимаешь ли ты сам, каким оказался хитрецом? – Он наконец перестал хохотать и, вздохнув, добавил: – Если б только ты не выставлял своих родных дураками.

– Я просто хотел, чтобы всем было хорошо, чтобы все дружили друг с другом, – стал объяснять Людвиг Четырнадцатый. – Я не хотел, чтобы мой брат Лабан обижал мою лучшую подругу и её родственников.

– Сказано, конечно, хорошо, – насмешливо ответил папа Ларссон. – Но вот тебе мой добрый совет: не рассказывай Лабану, что он из-за тебя попал в мышеловку. Он тебе этого всю жизнь не простит... И вот что ещё я хотел бы тебе сказать, – добавил он, прежде чем отпустить своего младшего сына. – Ты больше ни при каких обстоятельствах не должен встречаться с Туттой Карлссон. Она и всё её семейство нам не друзья. У лис с курами нет ничего общего.

– Папа, – умоляюще начал Людвиг Четырнадцатый, – но ведь Тутта и я...

– Тутта и ты больше не будете друг с другом играть, – строго закончил за него отец.

– Ну почему все звери не могут дружить, не могут помогать друг другу? – огорчился Людвиг.

– Как может курица помочь лисе? Ты себе такое представляешь? – спросил папа Ларссон. – Нет, будешь делать, как я сказал! Ясно?

Людвиг Четырнадцатый понял, что спорить с отцом нечего. Он поплёлся к выходу из норы и печально улёгся там в ямке возле замшелого камня.

Так он довольно долго лежал, размышляя о том, как у него всё плохо получается.

Сначала ему не разрешили играть со славными зверятами в лесу.

Теперь ему не разрешают встречаться с Туттой Карлссон!

«Уж лучше бы я остался игрушкой у человеческих детей. Зато я хоть каждый день мог бы встречаться с Туттой» – так думал Людвиг Четырнадцатый.

Но он конечно же заранее знал, что у людей скоро стал бы тосковать по своей норе. Потому что здесь, в лесу, его дом и его семья «Ах, бедный я, бедный! – печалился и вздыхал Людвиг. – Никогда я не смогу больше веселиться, как раньше».

Глава тринадцатая

Людвиг лежал в своём укрытии возле замшелого камня, где его никто не видел, но сам он прекрасно мог наблюдать за всем, что происходило вокруг.

Вот что-то жёлтенькое шевельнулось среди кустов.

Людвиг Четырнадцатый на миг даже зажмурился, как будто взглянул на солнышко. Он не мог поверить своим глазам. Точь-в-точь такого же цвета был жёлтый пушок Тутты. Но зачем она сюда забрела?

— Людвиг, пи-пи, где ты? — запищал тоненький голосок. — Скажите, здесь живёт Людвиг Четырнадцатый?

Людвиг всерьёз испугался: нельзя было допустить, чтобы о Тутте Карлссон узнал отец.

— Исчезни! — прошипел он из своего укрытия. — Немедленно убирайся на свой двор и чтобы я тебя здесь больше не видел!

— Почему ты говоришь так зло? — жалобно пропищала Тутта Карлссон. — Ты что, совсем не рад мне?

— Наоборот, очень даже рад. Но потому тебя и прошу: убегай отсюда скорей. Мой папа сказал, что он больше не разрешает нам играть друг с другом. Если он найдёт нас здесь, тебе будет плохо. Зачем ты сюда пришла?

— Чтобы предупредить. На вас надвигается беда. Вы в большой опасности, я хочу вам помочь. Пусти меня в свою нору. Я тебя не вижу. Где тут вход?

— Я не знаю, — ответил Людвиг Четырнадцатый.

Он хотел сказать: я не знаю, что делать. Но получилось совсем глупо.

— Впусти меня побыстрее, — настаивала Тутта. — Неужели ты не слышишь: они совсем близко! Нельзя, чтобы меня застали здесь, тогда мне будет действительно плохо. Скорей говори, где вход.

— Возле замшелого камня... — начал было объяснять Людвиг, но дальше Тутта Карлссон слушать его не стала. Она быстро-быстро замахала своими маленькими крылышками и чуть не свалилась на Людвига.

— Дети, пора обедать, — послышался из кухни голос мамы Ларссон. — Все уже тут? Одного Людвига нет.

— Как твой хвост, Лабан? — поинтересовался папа, наливая себе из консервной банки малинового сиропа.

— Плохо, очень плохо, — заныл Лабан и в доказательство поднял кверху кончик хвоста, на который

мама Ларссон успела наложить пластырь. — Но уж в следующий раз, если я увижу курицу...

Лабан вдруг замолчал.

— Вот одна! — закричал он и указал лапой на дверь. — Настоящая живая курица осмелилась появиться у нас в норе!

Папа и мама Ларссон, а с ними все дети, ошеломлённо уставились на неожиданную гостью.

В норе воцарилась тишина.

— Я хочу вас познакомить, это моя подруга Тутта Карлссон, — сказал наконец Людвиг Четырнадцатый.

— Тутта Карлссон! — Папа Ларссон покраснел до кончика носа и посмотрел на Людвига. — Разве я тебя не предупреждал, что ты с ней больше не должен играть?

— Я и не собираюсь играть, — гордо ответила Тутта. — Я пришла сюда, чтобы вас спасти.

— Хорошенькое дело! — засмеялся папа Ларссон. — Бедненький маленький цыплёночек хочет спасти самую хитрую лисью семью в лесу! И от чего, позволю себе спросить?

— А вы сейчас сами прислушайтесь, приму-хайтесь, — невозмутимо ответила Тутта.

Лисы все разом подняли кверху носы.

— Я чую собаку, — первой сказала мама Ларссон.

— Это Максимилиан, — подтвердила Тутта Карлссон.

— Я слышу голоса и шаги, — объявил папа Ларссон.

— Это люди с нашего двора, — сказала Тутта.

До папы Ларссона начало доходить.

— Рассказывай! — проворчал он. — Что там наверху происходит?

— Начинается охота на лис, — проговорила малышка.

В ответ все лисята громко завывали.

– Спокойно! Сохраняйте спокойствие! – прикрикнул на них папа Ларссон. – Нечего сразу выть. На меня охотились уже сотни раз, и, как видите, я цел и невредим.

Но всё семейство уставилось на него с таким испугом, что тревога передалась и ему.

– Почему, интересно, люди затеяли охоту на нас именно сейчас? – спросил он.

– Им показалось, что слишком много лис стало сновать вокруг нашего курятника, – объяснила Тутта Карлссон. – Сначала кто-то прошмыгнул под старой шляпой. – Она посмотрела на Людвига Четырнадцатого. – А потом, совсем вечером, наведалься ещё один и унёс на себе мышеловку, – добавила она. – Тут люди наконец решили, что надо всех вас выгнать из леса.

– Бедная наша нора! – заплакали Лотта и Линнея. – Никогда у нас больше не будет такой милой детской!

– Тише, девочки! – прикрикнул на них отец. – Никто не может выгнать нас из норы. Они не имеют права.

– Ой, ой, – запричитала мама Ларссон. – Какие права, я-то знаю, что такое охота на лис. Сначала прибежит собака и начнёт на нас лаять. А у выхода нас уже будут поджидать охотники. Скажи, отец, что нам делать? Только твоя хитрость может теперь нам помочь.

– Я как раз об этом и думаю, – ответил папа Ларссон.

– Давай я тоже буду думать вместе с тобой, – усиленно наморщил лоб Лабан.

– Пусть посмотрит кто-нибудь, можно ли нам выйти из норы возле замшелого камня, – приказал отец.

Леопольд сразу отправился на разведку, но тут же вернулся с опущенными ушами.

– Там у выхода стоит человек.

Малыши снова завыли.

– Нам теперь никогда отсюда не выйти! – скулили они наперебой. – Мы в ловушке!

Папа Ларссон выглядел всё более озабоченным.

– Есть ещё выход под большим пнём, посмотри, свободно ли там, – приказал он Леопольду.

Тот поскорей побежал, но вернулся с таким же известием: и у пня подстерегал человек.

– Всё, мы пропали! – снова стали плакать и выть малыши. – Нам теперь не убежать, не спастись!

– Хватит скулить! – прикрикнул на них папа Ларссон. – Пора мне выдать вам один секрет. У норы есть ещё один, третий, выход. Его никто не знает, кроме меня.

– Ура, ура, да здравствует хитрость! – обрадовались лисята. – Да здравствует папа Ларссон!

Но маму Ларссон эта новость не успокоила.

– Конечно, мы можем выйти через твой потайной ход, – сказала она озабоченно. – Только что мы будем делать потом? В лесу наверняка полно охотников и собак. Убежим от одних, попадём к другим.

– Дай мне ещё как следует подумать, – ответил отец.

– Да, папа, а я буду тебе помогать, – подхватил Лабан и соорудил умную мордочку.

Папа Ларссон некоторое время думал, думал, но всё-таки наконец вынужден был сдаться.

– Во всём лесу для нас не найдётся хорошего укрытия, – вздохнул он.

И Лабан печально вздохнул вслед за ним:

– Да, я могу подтвердить. В лесу для нас нет хорошего укрытия.

Но тут послышался тоненький писк:

– Я знаю одно укрытие, где вас никто пи-пи не найдёт.

Все изумлённо вытаращились на Тутту Карлссон.

— Ты шутишь? — ухмыльнулся Лабан. — Где может быть надёжное место, о котором не знает не только наш папа, но даже я?

Тутта Карлссон обвела взглядом всё лисье семейство и торжественно объявила:

— ЭТО МЕСТО — НАШ КУРЯТНИК!

Папа Ларссон не мог поверить своим ушам. Спрятаться в курятнике? Что она говорит!

— Охотники станут искать вас где угодно, но не в курятнике. Такая мысль им в голову не придёт, — объяснила Тутта Карлссон. — Когда охота закончится, вы сможете вернуться к себе домой.

Старый лис Ларссон вынужден был признать, что предложение цыплёнка не такое уж глупое. В курятнике лисицы наверняка смогли бы почувствовать себя в безопасности.

— А ты думаешь, что другие куры будут рады нашему появлению? — осторожно спросил он.

— Если я им скажу, что пришли мама, папа, братья и сёстры моего друга Людвига Четырнадцатого, можете не сомневаться, что они хорошо вас примут, — заверила Тутта.

— Что ж, тогда мы согласны, — улыбнулся папа Ларссон. — Сейчас мы потихоньку выйдем через потайной ход и проберёмся к курятнику. Только запомните: ни малейшего шума, чтобы охотники и Максимилиан нас не заметили.

Так они и сделали. Всё большое лисье семейство скрытно пробралось через лес до клубничных грядок. Когда они оказались во дворе, Тутта Карлссон первая исчезла в курятнике, чтобы предупредить остальных обитателей о визите лис, которые нетерпеливо ждали у входа.

– А если мы не пролезем в этот курятник? – беспокоилась мама Ларссон. – Что мы будем делать тогда?

Папе Ларссону не пришлось отвечать, потому что в этот момент в дырке появилась голова Тутты. Она сделала им знак крылышком:

– Заходите!

И семейство Ларссонов поспешило в курятник. В курятнике все с удивлением стали оглядываться, особенно младшие. Лисята ещё никогда в жизни не видели птичьих насестов. Да и папа Ларссон чувствовал себя, мягко говоря, не в своей тарелке.

– Привет, привет! – сказал он и покосился на петуха Кукарекуна. – Позвольте вас поприветствовать!

Петух раскинул крылья и высоко поднял клюв.

– Хотелось бы надеяться, что вы, господин Ларссон, не собираетесь полакомиться нами на обед, – смело ответил он.

– Я пришёл к вам с самыми дружелюбными намерениями, – заверил старый лис, слегка покраснев. – Мы искренне рады такой возможности. Уже и не вспомнить, когда мы последний раз виделись.

– Зато я очень даже хорошо помню, – сказал петух. – Я был ещё совсем маленьким цыплёнком, но меня уже тогда предупреждали: берегитесь хитрого Ларссона.

– Но сейчас о хитрости с моей стороны и речи нет, – примирительно проговорил папа Ларссон.

– Зато у вас теперь есть сын – вот уж действительно хитрюга.

Лабан вытянулся, чтобы его все видели.

– Слышите? – шепнул он Лотте и Лассе-младшему. – Даже на птичьем дворе знают, какой я хитрец.

– Я имею в виду малыша Людвига, – продолжал петух. – Надо же было придумать такое: спрятаться под шляпой, чтобы пробраться в курятник и предупредить нас! Думаю, мы должны за это пропеть ему хвалу. Кукареку! Ура Людвигу!

– Ура Людвигу Хитроумному! – запищали, закудахтали за ним все остальные.

– Ваша дочка тоже молодец, – похвалил папа Ларссон. – Без помощи Тутты Карлссон мы бы попали охотникам в руки. Будет справедливо признать: Тутта и Людвиг хитростью не уступают друг другу.

– Но что мы все стоим и хвалимся своими малышами? – закудахтала госпожа Наседка. – Не пора ли угостить дорогих гостей, как положено? Вы любите яйца?

Лисята так радостно закричали, что самые маленькие цыплята от страха спрятались под крылья своих мам.

– Что ж, – решила госпожа Наседка. – Сейчас мы устроим пир на весь мир!

Глава четырнадцатая

Да, это был пир так пир!

Никогда ещё семейство Ларссонов не ело таких замечательных, таких свежих яиц. Все так объелись, что с трудом могли пошевелиться. Но понемногу опять ожили, дети начали возиться друг с другом. Лисята и молодые петушки катались на полу, боролись и даже покусывали друг друга, хотя конечно же не всерьёз. А лисички и молодые курочки играли у стенки пуховыми мячиками.

Мама Ларссон и госпожа Наседка сидели на мягких пуховых подушках и обсуждали последние сплетни. А потом госпожа Наседка стала рассказывать маме

Ларссон, какие вкусные блюда можно приготовить из яиц. И правда ведь, никто лучше кур не разбирается в яйцах.

Зато мама Ларссон могла объяснить госпоже Наседке, где можно приобрести на зиму самую нарядную меховую шубку. Уж в мехах-то лисы разбираются лучше всех.

Петух Кукарекун восседал на своей жёрдочке, а снизу папа Ларссон с удовольствием покачивался в гамаке.

Ничего приятнее он себе пожелать бы не мог, так он был доволен.

— Мы ведь в самом деле можем дружить семьями, — удивлялся он.

— Милости просим к нам в любое время, — отвечал петух. — Надеюсь, мы и дальше останемся друзьями?

— Можете не сомневаться, — уверял лис. — На Ларссонов всегда можно положиться. Это девиз нашей семьи.

Тутта Карлссон и Людвиг Четырнадцатый, услышав такие слова, от радости даже запрыгали.

— Значит, мы теперь опять сможем друг с другом играть! — воскликнул Людвиг.

— Лично я возражать не буду, — проговорил Кукарекун.

— Я тоже, — не стал спорить папа Ларссон.

Лисам до того понравилось в курятнике, что они даже не заметили, как быстро прошло время.

Но потом мама Ларссон глянула в маленькое оконце и увидела, что уже совсем стемнело.

— Пора нам домой, — сказала она.

— Тише! — вдруг зашипел папа Ларссон и наострил уши. — Люди возвращаются. Значит, охота закончилась.

И в самом деле, за стеной курятника слышались шаги и голоса.

– Я-уже-думал-лисицы-у-меня-в-мешке, – сказал человек. – Но-этот-Ларссон-действительно-пройдоха. Целый-день-мы-подстерегали-их-перед-норой-но-не-только-меха-даже-волоска-не-заполучили.

Лисы и куры переглядывались друг с другом и беззвучно смеялись.

– Как-ты-думаешь-где-они-могли-спрятаться? – спросил другой голос. – Максимилиан-потерял-след-вместо-этого-потянул-нас-к-дому.

Пёс громко залаял.

– Хватит-шуметь! – прикрикнул хозяин. – Нечего-злиться-что-лисы-нас-перехитрили!

Но Максимилиан успокаиваться не собирался.

– Послушать-твою-таксу-так-можно-решить-что-всё-ли-сье-семейство-где-нибудь-тут-в-куратнике, – засмеялся другой мужчина. – Заведи-ка-настоящую-охотничью-собаку.

– Я-сам-об-этом-подумываю, – отвечал хозяин. – Слышишь-как-тихо-в-куратнике? Разве-там-могут-быть-лисы?

Цыплята спрятали головы под крылья, а лисята прикусили себе зубами кончики хвостов, чтобы не расхохотаться.

Шаги удалились, человеческие голоса стихли.

– Опасность на сей раз миновала, – заявил папа Ларссон. – Самое время возвращаться домой, в свою нору.

– Обещайте, что вы скоро опять придёте к нам в гости, – попросила госпожа Наседка.

– С удовольствием, но не раньше, чем вы нанесёте нам ответный визит, – сказала мама Ларссон.

– Ура, ура! – пищали цыплята и подвывали лисята. – Таких замечательных друзей у нас ещё не было, теперь мы будем играть друг с другом.

Луна, похожая на жёлтого цыплёнка, всходила над лесом. Из курятника один за другим вышли папа Ларссон, мама Ларссон, Лабан, Леопольд и Лаге, Лассе-старший и Лассе-младший, Леннарт, Лео и Лукас, Лаура и Линнея, Луиза, Лидия и Лотта.

А самым последним вышел маленький Людвиг Четырнадцатый.

Он шёл, всё время оглядываясь на Тутту Карлссон, и, пока она была видна, махал ей хвостиком.

Лисье семейство направилось к клубничным грядкам. Для этого надо было пройти через двор. Там сидел в конуре Максимилиан. В свете луны он хорошо видел лис, прошеествовавших мимо него строем.

Но пёс даже голоса не подал.

Оглавление

Глава первая	5
Глава вторая.....	10
Глава третья.....	18
Глава четвёртая	28
Глава пятая.....	34
Глава шестая	45
Глава седьмая.....	55
Глава восьмая.....	68
Глава девятая	78
Глава десятая	90
Глава одиннадцатая.....	101
Глава двенадцатая.....	111
Глава тринадцатая	120
Глава четырнадцатая	130

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)
Э 44

Литературно-художественное издание

Для младшего школьного возраста

Ekholm Jan-Olof
HURRA FÖR LUDVIG LURIFAX

ЭКХОЛЬМ Ян Улоф
ЛЮДВИГ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ
И ТУТТА КАРЛССОН

Повесть-сказка

Перевод Марка Харитонова

Ответственный редактор *Екатерина Баканова*
Художественный редактор *Евгений Соколов*
Технический редактор *Светлана Грачёва*
Корректоры *Татьяна Филиппова, Наталья Соколова*
Компьютерная верстка *Ольга Краюшкина*

ISBN 978-5-389-09493-2

© Jan-Olof Ekholm, 2014
© Харитонов М. С., перевод на русский язык, 2015
© Тржемецкий Б. В., иллюстрации, 2015
© Издание на русском языке. Оформление.
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2015
Machaon®

Подписано в печать 16.02.2015.
Формат 60×90^{1/8}. Бумага офсетная.
Гарнитура «SchoolBook». Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,0.
Тираж 5000 экз. D-AC-17520-01-R. Заказ № 6746/15.

136 с., с ил.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» —
обладатель товарного знака Machaon
119334, Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru; atticus@azbooka.spb.ru

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»
04073, Киев, Московский проспект, д. 6, 2-й этаж
Тел./факс (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

ЧП «Издательство «Махаон»
61070, Харьков, ул. Ак. Проскуры, д. 1
Тел. (057) 315-15-64, 315-25-81
e-mail: machaon@machaon.kharkov.ua

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru